

ВЕРНОСТЬ ПРОФЕССИИ

LOYALTY TO THE PROFESSION

День дефектологии. 2026. № 2 (11)

Day of Defectology, 2026, no. 2 (11)

Посвящается юбилеям наших выдающихся современников, известных ученых нашего времени: Иде Антоновне Михаленковой, кандидату психологических наук, доценту, Заслуженному работнику Высшей школы Российской Федерации, консультанту АНО «Санкт-Петербургский центр социокультурных практик “Большие возможности”», члену Совета Центра христианской практической психологии на базе Духовной Академии Санкт-Петербурга, члену редакционного совета журнала «День дефектологии» (Санкт-Петербург, Россия); Венере Закировне Денискиной, кандидату педагогических наук, доценту, доценту кафедры тифлопедагогики дефектологического факультета Института детства Московского государственного педагогического университета, члену редакционного совета журнала «День дефектологии» (Москва, Россия); юбилеям ветеранов дефектологического труда: Людмиле Васильевне Васильевой, учителю-дефектологу (Новосибирск, Россия); Наталье Александровне Одиноковой, члену научно-методического совета научного журнала «День дефектологии», постоянному автору, доценту научно-исследовательского центра АНО ДПО «Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы», наставнику НГПУ (Новосибирск, Россия).

Разговор 1

«О профессии, о жизни, о вере...»

Посвящается Иде Антоновне Михаленковой, кандидату психологических наук, доценту, Заслуженному работнику Высшей школы Российской Федерации, консультанту АНО «Санкт-Петербургский центр социокультурных практик “Большие возможности”», секретарю Центра христианской практической психологии на базе Духовной Академии Санкт-Петербурга в честь юбилея

Ида Антоновна родилась в Ленинграде в 1941 г. 20 марта. Отца призвали сразу, он погиб в первый месяц войны. Так случилось, что мама уехала в Смоленскую область к своим пожилым родителям и попала на долгие 3 года в оккупацию (с 1941 по 1944 г.). Вот и кормила своего ребенка грудью все это время, прячась по лесам и землянкам. Время было тяжелое... После войны остались там. И начальную школу девочка там и закончила. А уже среднюю школу заканчивала в Ленинграде, вернувшись туда в пятом классе

После школы Ида Антоновна поступила в 1959 г в Ленинградский педагогический институт им. А. И Герцена на дефектологический факультет на отделение математики, физики и дефектологии – это был единственный набор (рис. 1).

Рис. 1. Ида Антоновна – студентка

– Ида Антоновна, скажите, пожалуйста, как пришло к вам решение именно сюда поступить?

– В детстве я хотела быть либо учителем, либо следователем. Одна знакомая вскользь рассказала про глухих, что их очень интересно учить и можно научить всему. Меня этот рассказ заинтересовал. Желание учить кого-то чему-то было огромным: я бабушку научила писать. И как-то во мне это поселилось: сделать из глухих неговорящих говорящих людей. И тут такое сочетание физико-математического и дефектологического направлений единственный раз, и получилось...

– Ида Антоновна, расскажите, пожалуйста, как проходило обучение в вузе?

– Учились 5 лет, сдавали по 8 экзаменов каждую сессию, поскольку знать надо было много для будущей профессии сурдопедагога начальных классов и учителя физики и математики в специальной и массовой школе.

– Кто из преподавателей вам запомнился?

– Это были преподаватели-корифеи. Огромное влияние на меня оказал Андрей Иванович Зотов (1906–1994), специалист в области психологии, доктор педагогических наук (1958), профессор (1962) (рис. 2). Окончил институт мозга им. В. М. Бехтерева (1935); аспирантуру (1940). Работал в учреждениях, вошедших в состав ЛГПИ (1949, 1951, 1957–1981), в том числе в должности заведующего кафедрой психологии ЛГПИ им. М. Н. Покровского (1951) и тифлопедагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена (1963–1975). А. И. Зотов значительно усилил психологическую подготовку специалистов-дефектологов, особенно тифлопедагогов (это уже после нашего выпуска). Он был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Рис. 2. Андрей Иванович Зотов (1906–1994) – средний портрет и статья о нем в газете «Педагогические вести» (ноябрь, 2001)

Вместе с ним пошла я работать.

– *Остались ли еще в памяти преподаватели, повлиявшие на вас?*

– Да. Виктор Кузьмич Лашёнов, известный математик, преподаватель, доцент кафедры математического анализа, а затем – дифференциальных уравнений ЛГПИ им. А. И. Герцена, тоже повлиял на мое профессиональное становление. Выбор темы моего исследования «Формирование стереометрических представлений у глухих учащихся» во многом был определен общением с этим человеком.

Запомнился мне и невролог Панкратов.

Невозможно не упомянуть ещё одно имя – Андрей Сергеевич Чистович – профессор, доктор медицинских наук, возглавлял крупнейшие кафедры психиатрии Советского Союза, в том числе кафедру Военно-медицинской академии и клинику психиатрии Института физиологии АН СССР, в 60-е гг. работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена профессором кафедры тифлопедагогики, а затем психоневрологии и школьной гигиены. Отмечен вклад Андрея Сергеевича в учение об инфекционных психозах (рис. 3).

Рис. 3. На одной из лекций Андрея Сергеевича Чистовича

Рис. 4. Книга, посвященная биографии А. С. Чистовича

Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена знал Чистовича как преподавателя курса детской психопатологии в период с 1960 по 1964 г., и его труды по детской психопатологии не утратили своего значения и по сей день служат подготовке специалистов-дефектологов. Он находил время для разбора со студентами клинических случаев из психиатрической практики, одновременно с этим возглавлял клинику психиатрии Института физиологии АН СССР, был заведующим кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Хочется посоветовать прочтение книги Андрея Сергеевича Чистовича «Из воспоминаний старого психиатра». Ученый, психиатр, педагог, полиглот, руководитель, профессионал – такими словами запомнился коллегам и студен там Андрей Сергеевич Чистович, сегодня вошедший в «золотые имена психологии» РГПУ им А. И. Герцена (рис. 4).

Это были удивительные люди, влюбленные в свое дело. Мы посещали психиатрические больницы, колонии с преподавателями, и ведь я работала воспитателем в колонии для несовершеннолетних с 14 до 18 лет, совершивших правонарушение. Нас пришло 20 человек работать, нам давали клочки. Из 20 человек троим клочки не дали, среди них была и я. Эти трое и остались работать.

– *Какой опыт вы получили от этой деятельности?*

– Огромный! Тут главное: отношение к людям, к жизни, с совестью, с сопереживанием. Ведь большинство этих ребят жили в неблагополучной обстановке, поэтому на жизненных примерах учились жить в социуме. Некоторые попадали в тюрьму «Кресты», некоторые возвращались, некоторые сумели выйти в другую среду, нормализовать свою жизнь. Интересно, что наше общение с ними бесследно не прошло, через много лет с радостью бросались навстречу: «Ида Антоновна!» – с улыбкой на лице, значит все не зря...

– *Ида Антоновна, как вообще проходили студенческие годы?*

– С интересом! Главное, все успевала: училась, ходила во все театры, занималась легкой атлетикой, шахматами, плаванием, по плаванию входила в команду института; на последних курсах работать пошла, и как-то все легко было, интересно, все нравилось.

Ида Антоновна, окончив в 1963 г. Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена по специальности «Сурдопедагогика», учитель математики и физики в специальной и массовой школе, начала свою трудовую деятельность учителем математики и физики в специальной средней школе рабочей молодежи для глухих № 92 в Ленинграде. Вся последующая профессиональная деятельность Иды Антоновны связана с дефектологией, с обучением и воспитанием лиц с ограниченными возможностями здоровья (рис. 5).

– *Ида Антоновна, как вы поступили в аспирантуру?*

– После окончания института я года 3–4 работала в школе, потом меня пригласили на кафедру в аспирантуру. В то время кафедрой сурдопедагогики заведовал Моисей Петрович Могильницкий (1899–1978), прошед-

Рис. 5. Ида Антоновна
Михаленкова

Рис. 6. Моисей Петрович
Могильницкий (1899–1978)

ший войну хирургом эвакуационных госпиталей на Ленинградском и Белорусском фронтах, был удостоен высоких государственных наград, включая орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» (рис. 6).

Его научные исследования были посвящены вибрационной и слуховой чувствительности у глухих детей. Он опубликовал более 40 научных работ, занимался проблемой лечения тугоухости и изучением влияния звуковых раздражителей на человека. Ученый считал, что тактильно-вибрационное чувство может быть положено в основу обучения глухонемых детей речи. Для того времени это было инновационным (практически в это же время был создан верботональный метод

П. Губерины). Идеи М. П. Могильницкого успешно применялись в практике Ленинградской школы глухих. Позже Моисей Петрович читал курс лекций по анатомии, патологии и физиологии органов слуха и речи.

– Ида Антоновна, чем запомнилась вам аспирантура?

– В аспирантуре нам читали профессионалы высочайшего уровня, они потрясали нас отношением к своей профессии, желанием передать нам ее сущность и красоту. Они этим жили, это были знающие, увлеченные люди. Книги для нас значили много, поэтому грустно сегодня, что некоторые читают не реальные книги, а компиляцию. Мы видели иное, нам читали настоящие ученые, до сих пор вспоминаю из лекций физиологических механизмов слуха и речи, что такое нос. Михаил Ефимович Хватцев читал так логопедию, звуки [р-л], звуки голубя изображал – все было понятно (рис. 7).

Рис. 7. Михаил Ефимович Хватцев (1883–1977)

Став аспирантом кафедры сурдопедагогики Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена и защитив кандидатскую диссертацию в 1972 г., Ида Антоновна начала свою научную деятельность.

С 1970 до 1996 г. она прошла трудовой путь от старшего преподавателя данной кафедры до должности заместителя декана дефектологического факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена (рис. 8).

Рис. 8. Коллектив кафедры сурдопедагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена. Сидят слева направо: Надежда Ивановна Белова, Людмила Петровна Назарова, Маргарита Ивановна Никитина, Людмила Михайловна Быкова, Ида Антоновна Михаленкова. Стоят слева направо: Елена Павловна Микшина, ассистент кафедры Ольга Бадюкина, Евгения Ефимовна Випшевская, Наталья Евгеньевна Граш, Ангелина Анатольевна Коржова, Любовь Сергеевна Мотылева, аспирант М. И. Никитина, Геннадий Николаевич Пенин, Любовь Витальевна Кораблева, Людмила Витальевна Андреева

С 1996 по 1999 г. продолжила профессиональную деятельность в должности доцента на кафедре дефектологии Ленинградского государственного областного университета.

С 2000 г. Ида Антоновна работает на кафедре специальной психологии Института специальной педагогики и психологии Международного университета семьи и ребенка имени Рауля Валленберга. Долгие годы она оставалась бессменным заведующим кафедрой специальной психологии, а также руководила учебно-исследовательской лабораторией института.

– Ида Антоновна, какие сложности были в работе заведующего кафедрой?

– Самое сложное – это документы, бумаги, бюрократия, бесконечное изменение программ, а с людьми все хорошо – люди с удовольствием работали, я организовывала процесс, осуществляла научное руководство – получалось. Работать было интересно при грамотной организации Людмилы Михайловны Шипицыной (рис. 9).

Рис. 9. В институте с Л. М. Шипицыной

Одновременно Ида Антоновна являлась научным руководителем школы-лаборатории для глухих детей № 31 (рис. 10), где разрабатывались дифференцированные программы обучения и воспитания детей с нарушением слуха и со сложной структурой дефекта: было составлено три варианта программ – для глухих детей с задержкой психического развития, для умственно отсталых глухих и для глухих детей с нормальным интеллектуальным развитием. Это позволило создать также различные пособия и методические разработки для обучения таких детей. Это был интересный опыт создания своими руками наглядных пособий, их апробации и освоения программ.

Вместе с коллегами И. А. Михаленкова, благодаря интеграции научных исследований, сформировала и развивает петербургскую научную школу коррекционной психологии, ориентированную на решение фундаментальных и прикладных педагогических и психологических проблем в области развития, обучения и воспитания детей с отклоняющимся развитием. Ее исследования, опирающиеся на богатый эмпирический материал, отличаются не только научной новизной и надежностью, но и практической ориентированностью. Свои научные данные Ида Антоновна обобщает в многочисленных монографиях, учебниках и учебных пособиях.

Рис. 10. Работа в школе

Одним из значимых достижений явилось открытие Иды Антоновны в 2000 г. представительства Института в Псковской области (г. Себеж) и в Вологодской области (г. Вологда). За 19 лет работы этих филиалов были обучены тысячи студентов без отрыва от дома и работы (рис. 11–12).

Рис. 11, 12. Выпуски в г. Себеже Псковской области

Свой опыт исследователя Ида Антоновна щедро передает своим ученикам. Под научным руководством Иды Антоновны были написаны и успешно защищены кандидатские диссертации по сурдопедагогике и сурдопсихологии. Работая в ИСПиП, Ида Антоновна подготовила много высококвалифицированных специалистов, которые по сей день продолжают ее дело, занимают руководящие должности и, в свою очередь, готовят чрезвычайно необходимых сегодня профессионалов в области специального образования в России и за рубежом (рис. 13–15).

Рис. 13, 14, 15. Высококвалифицированные специалисты-выпускники Иды Антоновны (встреча; г. Себеж; г. Челябинск)

Вклад И. А. Михаленковой в разработку актуальных вопросов обучения и воспитания детей с отклонениями развития отмечен рядом правительственных наград.

Наряду с высокопрофессиональными характеристиками Иды Антоновны мы хотим отметить и ее яркие личностные свойства. Она обладает чуткостью, способностью к пониманию и сопереживанию другим людям, даром безграничной толерантности по отношению к разным людям, в том числе и людям, имеющим ограниченные возможности здоровья.

У Иды Антоновны интересная и насыщенная жизнь. Она – активный организатор и участник многих международных, российских и региональных конференций по специальной психологии и педагогике, психологии лиц с ограниченными возможностями здоровья. Она находит оптимальные пути решения самых разнообразных профессиональных и множества жизненных ситуаций (рис. 16).

По словам коллег, Ида Антоновна является душой коллектива, как кафедрального, так и всего Института в целом. К ней в любой ситуации можно обратиться за советом и получить грамотные и квалифицированные разъяснения. С ней рядом приятно работать, ощущая поддержку и уважение.

Рис. 16. И. А. Михаленкова на защите проектов

Ида Антоновна всегда поддерживает студентов, молодых специалистов, ученых, помогая им реализовывать себя, при этом корректно отмечает их ошибки и предлагает направления работы (рис. 17).

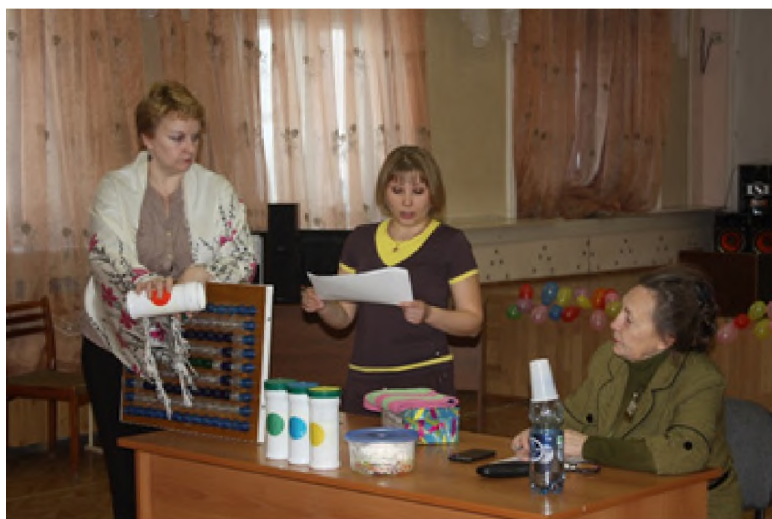

Рис. 17. Общение И. А. Михаленковой со слушателями на курсах

Об отношении к ней студентов красноречиво говорят их отзывы, некоторые из которых мы приводим:

«Ида Антоновна обладает даром так подать материал, что все кажется простым и понятным. Преподаватель и психолог от природы!»

«Очень чуткий, понимающий, преподаватель. Спасибо ей за это!»

«Мой научный руководитель!!! Уважаю и люблю!»

«Очень добрые воспоминания, как о замечательном человеке и очень внимательном научном дипломном руководителе. Я счастлива, что у меня была возможность работать с Идой Антоновной!»

«Уважаемая Ида Антоновна! Вы слов лишь хороших достойны в награду, поклон Вам низжайший, за то, что Вы есть!!! Спасибо!!!»

«Ида Антоновна, примите самые искренние пожелания здоровья, радости, долголетия и сил на все ваши дела. Я рада считать себя вашим учеником».

«Ида Антоновна, с Днем рождения! Ваши опыт и знания, ваша любовь к профессии окрылили нас когда-то и осветили путь к детям. Мы стараемся быть верными продолжателями Ваших творческих идей»

«Дорогая Ида Антоновна, спасибо Вам за все! И за то, что мы – дефектологи, Ваши слова: “Дефектологи – особые люди”, с годами смысл этой фразы становится все яснее...»

Рис. 18.
И. А. Михаленкова

Научный, научно-педагогический, методический вклад Иды Антоновны в развитие специального образования в России и за рубежом неocenим. Востребованность высококвалифицированных кадров и научных исследований в этой области особо возросла в связи с коренными глобальными изменениями в государственной политике по поддержке детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья.

Время меняет людей в той же степени, в какой люди меняют само время, наполняя его новым содержанием и смыслом. За последние годы мы увидели, как меняется российское общество и меняется отношение общества к детям с отклоняющимся развитием, как меняется система специального образования. Позитивные изменения в этот процесс внесла и Ида Антоновна Михаленкова (рис. 18).

В настоящее время Ида Антоновна является консультантом АНО Центра социокультурных практик «Большие возможности», который занимается вопросами инклюзивной культуры (рис. 19).

Рис. 19. И. А. Михаленкова (5-я слева) и И. Е. Ростомашвили (6-я слева) в процессе реализации президентского гранта

В частности, это участие Иды Антоновны в двух Президентских грантах по подготовке музейных специалистов и работников турагенств по организации доступной среды для людей с нарушением слуха, с нарушением зрения, опорно-двигательного аппарата, людей с расстройствами аутистического спектра.

Значимое место занимает и работа в Центре христианской практической психологии на базе Духовной Академии Санкт Петербурга под руководством протоиерея Петра (Петра Александровича Чубарова, кандидата педагогических наук, доцента, доцента кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской Духовной Академии). Это и проведение семинаров, и сбор материалов по духовно-психологическому сопровождению прихожан русской православной церкви, в том числе и детей с ОВЗ (рис. 20).

Рис. 20. Ида Антоновна и Петр Александрович говорят о духовно-психологической помощи

– Ида Антоновна, расскажите, пожалуйста, о работе в Центре христианской практической психологии на базе Духовной Академии Санкт Петербурга. Как вы к этому пришли?

– Православная психология началась с полного воцерковления. Вместе со священником Петром Александровичем Чубаровым совпали во взглядах и мнениях на церковь, открыли приход. Люди достойны помощи. Западные методы не годятся. Без веры в Бога невозможно преодолеть страх смерти, уныние. Нужно помогать людям при приходах. Психологическая помощь должна осуществляться на основе веры.

– С какими сложностями вы сталкиваетесь в работе?

– На самом деле, это очень тяжело осуществлять духовно-психологическую помощь. Петр Александрович, преподает в духовной академии, проводит исповедь по часу – полтора, прихожане приходят со своими проблемами. Сложность заключается в том, что люди в церкви существуют по одним законам, а в социуме – по другим. Есть противоречие между социальными (прагматическими) и духовными устремлениями, это противоречие трудно преодолеть.

70 % венчанных семей распадается, т. к. в социуме прописываются иные ценности, а ведь семья – это малая церковь. Но и здесь есть противоречие между социальными и духовными взглядами на семью.

У человека возникает проблема: либо к психотерапевту идти, либо в церковь. Не все священники готовы оказать психологическую помощь. Психологические и духовные методы больше помощи могут оказать.

В этом смысле интересно работает Самарская духовная академия: преподобная матушка Евстахия готовит в Самаре издание книги, где будут прописаны духовно-психологические методы помощи детям и семьям при приходе – и умственно отсталым детям, и с задержкой психического развития на церковном материале записываться будут методы. Такие подходы осуществляются и при Никольском соборе, и при других соборах Санкт-Петербурга.

Еще проблема – помощь вернувшимся после СВО. Есть бывшие офицеры, которые помогают священникам на общественных началах, но этого мало.

– *Ида Антоновна, где вы находите ресурс для стольких дел?*

– Работа с людьми дает отклик, если ты помогаешь по-настоящему, сопереживание всегда дает отклик, ресурс дает общение с людьми. Общение с людьми и кошками делает меня счастливой (рис. 21). Это энергия. Жизнь есть, когда смотришь на нее с интересом.

Рис. 21. Общение с людьми и кошками: энергия жизни – интерес

– *Что главное в жизни?*

– Отношение к людям, интерес. Главное понимать, для чего живешь. Внести вклад (свою часть), чтобы все было хорошо у детей, людей, на Земле.

– *Что вы пожелаете тем студентам, которые определились с выбором профессии и хотят работать дефектологами?*

– Любить свою профессию и не навредить тем детям, с которыми работаешь.

Глубоко понимать проблему недостаточно, надо еще и ответственно относиться, отвечать за свои действия.

Надо много читать: есть художественная литература, есть классика, есть профессиональные тексты, надо читать источники, подлинники, а не компиляцию, которая сегодня выходит в студенческой аудитории (и во взрослой тоже) на первый план. Компиляция и настоящее знание, полученное при чтении подлинников, – это несопоставимо по значимости и глубине.

– Ида Антоновна, что бы вы посоветовали читать студентам из ваших книг?

– Специальная психология под редакцией Л. М. Шипицыной, там мы попытались представить сущность науки.

– Ида Антоновна, у меня есть вопрос, который я много лет хочу вам задать: почему многие ваши книги начинаются со слова «Практикум»?

– Теорию хотелось повернуть к практической значимости, чтобы понимать, как работать на практике.

Спасибо, дорогая Ида Антоновна, за то, что уделите нам время рассказали о многом.

Мы благодарим вас за активное участие в мероприятиях Новосибирского государственного педагогического университета: в семинарах и конференциях, круглых столах и эвристических проектах, в работе редакционного совета научного журнала «День дефектологии». Сотрудничество с вами – большая честь для нас, студентов и преподавателей университета, а также ваших учеников. Мы счастливы быть знакомыми с таким замечательным человеком, как вы, профессионалом с большой буквы!

Вы наш учитель, вдохновляющий нас на профессиональные успехи! Началось это в далекие 90-е, когда группа новосибирских сурдопедагогов обучалась в РГПУ им. А. И. Герцена (на земле сибирской) у выдающихся ученых-дефектологов нашего Отечества, среди которых были вы, тонко чувствующий психологию глухих и слабослышащих людей, человек, искренне любящий свое дело, преданный ему без остатка. Вы – автор множества работ по психологии детей с нарушениями слуха, специальной психологии, где представлен собственный профессиональный опыт.

Все ваши книги повествуют о принятии и понимании, внимании к человеку и возможностях его развития. Работы настолько универсальны, глубоки и практико-ориентированы, что в названии некоторых из них исчезло словосочетание «для детей с нарушением слуха», т. е. они рекомендованы для нейротипичных детей, что еще раз подтверждает мысль Л. С. Выготского, идею В. И. Лубовского о единстве законов развития и укрепляет в нас гордость за науку – дефектологию (точнее – сурдопсихологию и сурдопедагогику), являющуюся фундаментом для всех отраслей специальной психологии, коррекционной педагогики и инклюзивного образования.

Судьба погружает вас во взаимодействие с людьми, имеющими разные проблемы здоровья, и везде вы ищите и находите пути помощи всем, потому что в каждом видите прежде всего ЧЕЛОВЕКА.

Мы выражаем вам, Ида Антоновна, свое восхищение вашим постоянным развитием и стремлением помогать людям! Нам же, вашим ученикам, коллегам и студентам, выпало счастье погружаться в ваши тексты, общаться с вами и раскрывать для себя этот мир. Пусть здоровье, свет, радость, добро, новые идеи всегда будут с вами! Спасибо за встречу в этой Вселенной!

Разговор 2

«Биография, рассказанная самим юбиляром...»

Посвящается Венере Закировне Денискиной, кандидату педагогических наук, доценту, старшему научному сотруднику, доценту кафедры тифлопедагогики Института детства Московского педагогического государственного университета, Почетному работнику общего образования РФ, лауреату премии имени Николая Островского 2025 г. в честь юбилея

Биография Венеры Закировны Денискиной

Я, Венера Закировна Денискина, родилась в полной семье 2 января 1946 г. в г. Уфе Башкирской АССР (в настоящее время Республика Башкортостан).

В 2 года вследствие перенесенной кори почти полностью потеряла зрение (рис. 1).

Рис. 1. Венера, 1949 г.

До школы посещала детский сад, в котором не было специалистов по работе со слепыми детьми, но относились ко мне хорошо и как могли развивали (рис. 2 из презентации).

Рис. 2. Детский сад, 1949 г. Венера Закировна 4-я слева во втором ряду

В 1953 г. пошла в первый класс Уфимской женской школы № 8, где испытала все трудности обучения, связанные с нежеланием учителя вникать в проблемы незрячего ребенка, который не видел строк в тетрадях и букв в учебниках. Во второй класс была переведена с положительными оценками только благодаря природным способностям: легко устно решала задачи и примеры, запоминала длинные стихи, пересказывала прочитанные учителем, одноклассниками или родителями рассказы.

Со следующего учебного года (1954–1955) в связи с реформой в системе образования была переведена в Уфимскую школу № 3, в которой мальчики и девочки обучались совместно. Молодая учительница Надежда Николаевна, не имея специального тифлопедагогического образования, насколько могла, помогала мне овладевать программным материалом. Например, она предложила маме жирно черной тушью чертить линии в тетрадях, не стала снижать оценки за ужасный почерк, не заставляла меня читать, т. к. я этого не могла сделать, но часто привлекала к устным ответам, в том числе пересказам. В классе я чувствовала себя вполне комфортно и даже была

Рис. 3. Анапа. 1956 г.

звеньевой в пионерском отряде, а в последнюю четверть 4 класса одноклассники выбрали меня председателем пионерского отряда. Говоря современным языком, мой рейтинг в классе был вполне высоким.

В 4 классе у меня обострился ревматизм, которым я болела с 7 лет, в связи с чем была направлена на санаторное лечение в Анапу, где 2 месяца (март – апрель) училась в школе при санатории (рис. 3).

Главный результат поездки в санаторий – избавление от хронического ринита!

Родители очень переживали за то, что мое мизерное зрение не позволит мне получить хорошее образование в массовой, т. е. в обычной, школе. Выход подсказали totally слепые женщины, с которыми моя мама – Аклима Хабибулловна Хабирова (рис. 4) – подружилась, помогала им и одновременно усваивала приемы адаптации к жизни без зрения, чему учила и меня. Эти женщины работали в артели «Новый быт инвалидов», которую по заданию КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) организовал и возглавил мой партийный отец – Закир Ахметович Хабиров (рис. 5), инвалид Великой Отечественной войны.

Рис. 4. Мама –
Аклина Хабибулловна
Хабирова

Рис. 5. Семья Венеры Закировны. Отец Закир Ахметович Хабиров,
рядом ним – Венера Закировна

Тяжелые ранения он получил в 1943 г. в боях на Курской дуге, когда как политрук вел в атаку бойцов.

Так вот, незрячие работницы папиной артели рассказали маме о существовании школ для слепых детей. После окончания начальной школы родители с большим трудом устроили меня в Куйбышевскую (на сегодняшний день городу вернули его первоначальное название – Самара) школу-интернат для слепых детей, которая в отличие от школ в Башкирии давала полное среднее образование.

Я переживала разлуку с родителями, но они мне объяснили, что это единственная возможность научиться читать и писать руками по системе Л. Брайля и получить хорошее образование.

В школе для слепых детей я быстро овладела системой Брайля и теперь наконец-то сама могла читать книги! Училась я в основном на пятерки, была председателем пионерской дружины (рис. 6), а после вступления в комсомол (в ряды ВЛКСМ) была сначала заместителем секретаря комсомольской организации школы (рис. 7), а затем – секретарем (рис. 8).

Рис. 6. Председатель совета дружины

Рис. 7. Венера Закировна в 10 классе

Рис. 8. На школьной доске почета, 11 класс

В 1964 г. я окончила школу и по текущим оценкам получила аттестат зрелости (рис. 9).

Рис. 9. 1964 г., школа, г. Самара

От экзаменов была освобождена из-за того, что практически весь учебный год в выпускном классе болела: ангина дала осложнение на суставы и сердце, поэтому я то лежала в больнице, то была на постельном режиме в своем интернате. Тем не менее общественную работу продолжала вести, сдавала зачеты по пропущенному учебному материалу. По окончании школы, мне исполнилось 18 лет, и я получила официальную справку о моей инвалидности по зрению.

После школы 1 год проработала в качестве электросборщицы на учебно-производственном предприятии Всероссийского общества слепых (УПП ВОС). Работу на предприятии совмещала с посещением подготовительных курсов для поступления на математическое отделение физико-математического факультета Башкирского государственного университета, т. к. надо было восполнить те пробелы в знаниях, которые образовались из-за болезни в выпускном классе: ведь 6 учебных месяцев из 9 я провела в постели.

В 1965 г., пройдя по общему конкурсу, поступила в Башкирский государственный университет на отделение математики физико-математического факультета. Трудности были при сдаче документов: в приемной комиссии считали, что слепой человек не сможет учиться на физико-математическом факультете, поэтому долго не принимали документы, пытались «завалить» на вступительных экзаменах, но баллов у меня оказалось больше, чем было необходимо для поступления. Кроме того, я носила с собой толстую книгу, в которой был напечатан указ о том, на какие факультеты разрешается поступать слепым. На математический факультет слепым поступать не запрещалось! (рис. 10–14)

*Рис. 10. Венера Закировна (вторая во втором ряду справа)
с сокурсниками по БГУ, 2 курс 1967 г.*

Рис. 11. Венера Закировна в 1967 г.

Рис. 12. В. З. Денискина

Рис. 13. 4-й курс

Рис. 14. В. З. Денискина (третья слева в первом ряду) на 4 курсе, г. Уфа, 1949 г.

В 1970 г. я окончила Башкирский государственный университет по специальности «Математика» с присвоением квалификации «Математик. Дифференциальные уравнения. Преподаватель математики». С большим трудом устроилась в уфимскую школу для слепых и слабовидящих детей учителем математики: свободные ставки учителей математики были, но директор школы не хотела принимать на работу инвалида, хотя за педагогическую практику в этой школе я получила оценку «отлично». Добиваясь, чтобы мне дали одну из свободных ставок, я 4 раза прилетала в Москву на прием в ЦК КПСС. Поездки помогли. На школу надавили «сверху». Я была счастлива, т. к. с 6 класса я мечтала быть учителем слепых детей (рис. 15).

Уже в первый год работы учителем я поняла, что мне не хватает специальных знаний об особенностях остаточного зрения моих незрячих учеников. По совету завуча школы поступила, как имеющая высшее образование, на 3 курс дефектологического факультета Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ им. А. И. Герцена).

В 1974 г. вышла замуж за Александра Алексеевича Денискина, выпускника Московской школы-интерната для слепых детей, переехала в Москву, т. к. муж в Москве был трудоустроен, а найти ему – инвалиду – работу в Уфе было нереально. Таким образом, в уфимской школе для слепых и слабовидящих детей я проработала 4 года: с 1970 по 1974 г.

Рис. 15. Первый год учительства

В Москве ни одна специальная школа для детей с нарушениями зрения меня на работу учителем математики не взяла, хотя я единственная на всю Москву имела диплом математика и через год должна была получить диплом тифлопедагога, т. е. специалиста по работе со слепыми и слабовидящими детьми.

Пришлось, хитростью, скрыв инвалидность, идти учителем математики в ГПТУ № 45 г. Москвы. А в профессионально-технических училищах Москвы в те годы всегда был дефицит учителей математики. Обучая зрячих юношей и девушек, с работой справлялась успешно, поэтому, даже поняв мою инвалидность по зрению, администрация училища ценила меня как педагога. Кстати, с учениками я вполне ладила, научила их не бояться математики, а уважать эту науку.

Рис. 16. Людмила Ивановна Солнцева (1927–2009) – советский и российский тифлопсихолог, тифлопедагог

В 1975 г. я окончила ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности «Тифлопедагогика» с присвоением квалификации «Учитель школ слепых и слабовидящих». И тут мне несказанно повезло! В тот год председателем ГЭК (государственной экзаменационной комиссии) была Людмила Ивановна Солнцева (рис. 16) – зав. лабораторией обучения и воспитания слепых детей НИИД АПН СССР (научно-исследовательский институт дефектологии академии педагогических наук СССР), которой во время командировки в Уфу очень понравился мой урок математики. Она по совету моих Ленинградских преподавателей предложила мне должность в лаборатории, которой руководила. Вернувшись в Москву, Людмила Иванова сама пошла к директору НИИ дефектологии АПН СССР и попросила принять меня на работу на должность младшего научного сотрудника, заверив, что проблем, связанных с моей инвалидностью, у администрации Института не будет.

Итак, с 1975 г. моя деятельность перешла из практики тифлопедагогики и преподавания математики в область научных исследований в тифлопедагогике.

Работая в качестве младшего научного сотрудника, в 1986 г. я защитила кандидатскую диссертацию по теме «Особенности обучения элементам геометрии слепых младших школьников» и получила диплом о присуждении ученой степени кандидата педагогических наук.

В 1988 г. получила аттестат о присвоении звания старшего научного сотрудника, что позволяло мне уже самой руководить научными исследованиями.

В 1986 г. в издательстве «Просвещение» была издана моя первая книга – пособие для учителей «Средства обучения математике в начальных классах школ слепых», а в 1988 г. вторая книга – «Методы обучения математике учащихся начальных классов школ для слепых детей» (в том же 1988 г. меня перевели на должность старшего научного сотрудника со значительным повышением заработной платы). За эти две книги 28 декабря в 1991 г. я была награждена Серебряной медалью ВДНХ СССР. При этом среди награжденных на той выставке я была единственной из женщин, т. е. остальные участники были мужчинами с учеными степенями.

За годы работы в НИИ дефектологии АПН СССР до перестройки я дважды пыталась родить ребенка, но врачебные ошибки не позволили мне испытать радость материнства. В эти же годы от гриппа у меня сильно снизился слух (в 33 года), а затем от гриппа же полностью пропало обоняние (в 35 лет). В бытовом плане

пришлось вырабатывать новые приемы адаптации, т. к. пользоваться во время приготовления еды слухом и обонянием я больше не могла, хотя хорошие (импортные) слуховые аппараты ношу с 1983 г.

В 1992 г. НИИ дефектологии АПН СССР был переименован в Институт коррекционной педагогики Российской академии образования (ИКП РАО). Произошло большое сокращение сотрудников. Вопрос о моем сокращении администрация Института никогда не ставила (рис. 17–18).

Рис. 17. Выступление в Липецке, 2000 г.

Рис. 18. Выступление в Новосибирске, 2004 г.

Мне всегда хотелось не отставать от времени, поэтому в 2004 г. я пошла учиться в Институт профессиональной реабилитации и подготовки персонала Всероссийского общества слепых и получила свидетельство об окончании курсов общей компьютерной грамотности. С тех пор все свои отчеты, доклады, научно-методические работы выполняю на компьютере (рис. 19–20).

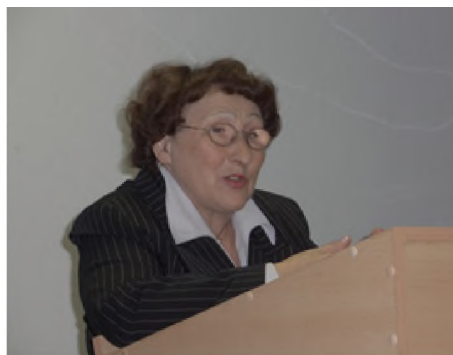

Рис. 19, 20. Институт «Реакомп», 2005 г.

В 2005 г. в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, где 18 лет (1999–2017) по совместительству я читала лекции для работников образования, получила аттестат о присвоении ученого звания доцента (рис. 21–22).

Рис. 21, 22. Дрезден, 2005

Продолжая трудовой путь в ИКП РАО, с 2006 по 2016 г. (с 60 до 70 лет) я работала заведующим лабораторией содержания и методов обучения детей с нарушениями зрения, т. е. руководила научными и практическими исследованиями в области образования и абилитации детей с нарушениями зрения (рис. 23–24).

Рис. 23, 24. Институт «Реакомп», сектор реабилитации слепоглухих, 2006 г.

Замечу, что это был первый случай за 100-летнюю историю института, когда руководителем научного подразделения работал человек не просто с ограниченными возможностями здоровья, а с инвалидностью 1 группы по зрению и нарушением слуха 3 степени (4-я степень – это полная глухота). С работой я справлялась и нареканий никогда не имела. В 2007 г. за заслуги в области образования получила нагрудный знак «Почетный работник общего образования Российской Федерации» (рис. 25).

Рис. 25. С президентом РАО Н. Д. Никандровым, 2007 г.

В годы работы заведующим лабораторией обучения и воспитания детей с нарушениями зрения (2006–2016) я была членом редколлегии профессиональных журналов «Воспитание и обучение детей с нарушениями развития», «Дефектология», «Вестник тифлологии».

В 70 лет, проработав на одном месте более 40 лет, я решила выйти на пенсию в ИКП РАО и продолжить только работу в качестве доцента на 0,25 ставки в АПКППРО (Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования), где по совместительству читала лекции (рис. 26–28).

Рис. 26. Конференция Аниридия, 2015

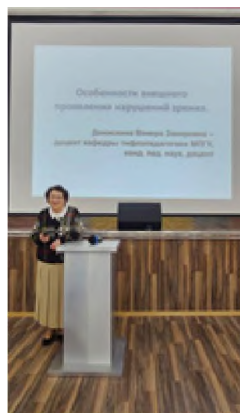

Рис. 27. Лекция сотрудникам

Рис. 28. В. З. Денискина читает лекции в пансионате для инвалидов по зрению, Малино

Тем не менее в 2017 г. в Институте детства при Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) была открыта кафедра тифлопедагогики. Администрация Института и депутат Государственной Думы, заместитель председателя комиссии по образованию и науке (Олег Николаевич Смолин) (рис. 29) попросил меня поддержать новую кафедру (вторую в России и единственную в Москве). С тех пор и по сей день я работаю доцентом кафедры тифлопедагогики Московского педагогического государственного университета. С 2018 по 2023 г. преподавала такие дисциплины, как «Тифлопедагогика», «Рельефно-точечная система обозначений Луи Брайля», «Социально-бытовая ориентировка слепых и слабовидящих», «Учет зрительных возможностей детей с нарушениями зрения в учебном и реабилитационном процессах», «Воспитание слепых и слабовидящих детей», «Тифлографика» и др., а в последние 2 года по состоянию здоровья оставила за собой только одну дисциплину «Система рельефно-точечных обозначений Луи Брайля». Кроме того, руковожу курсовыми и выпускными квалификационными работами, помогаю коллегам по кафедре готовить публикации и лекции.

Рис. 29. С депутатом Государственной Думы О. Н. Смолиным, 2008 г.

За время работы в МПГУ (с 2018) мною с коллегами было написано и опубликовано 3 учебных пособия для студентов, а в Китае были переведены 4 мои книги и 1 книга обо мне, изданная на моей малой Родине в Башкирии к моему 70-летию (см. в п. № 4 списка документов файл «Денискина Список публикаций», папки «Денискина. Тексты книг и глав в книгах» и «Публикации о Денискиной»).

За 55 лет было опубликовано по не полным данным 263 работы: научно-методические пособия, методические рекомендации и главы в книгах для учителей, обучающихся слепых и слабовидящих детей письму и чтению по системе Луи Брайля (рельефно-точечному шрифту), математике, ориентировке в пространстве, социально-бытовой адаптации, формированию неречевых средств общения (мимике и пантомимике), программы для обучения детей с нарушениями зрения математике, развитию у них осязания и мелкой моторики, обоняния, слухового восприятия; монография, учебно-методические пособия, методические рекомендации, научные и научно-методические статьи на различные актуальные темы обучения, воспитания, развития и реабилитации детей, молодежи и взрослых с нарушениями зрения

(в том числе в журналах Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в изданиях, индексируемых в базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Web of Science, Scopus); опубликованы статьи и книги для родителей слепых и слабовидящих детей. Разработанная мною клинико-педагогическая классификация детей с нарушениями зрения используется в Федеральных государственных образовательных стандартах обучения слепых и слабовидящих детей.

За научную и практическую деятельность в области образования в 1999 г. была награждена Почетной грамотой Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, 2007 г. – награждена нагрудным знаком «Почетный работник общего образования Российской Федерации», 2009 г. – получила благодарность руководства проекта программы сотрудничества Европейского союза и России «Система реабилитационных услуг для людей с ограниченными возможностями в Российской Федерации», а в 2023 г. – награждена медалью и получила сертификат Международной организации инвалидов RI Award.

Медаль 2023 г. я получила в результате участия в 2022 г. в конкурсе, проводимом Международной организацией реабилитации инвалидов (RI Award), которая базируется в США и которой в 2022 г. исполнилось 100 лет. По результатам конкурса в 2023 г. я одна от России вошла в 100 специалистов мира, внесших существенный вклад в реабилитацию инвалидов по зрению: получила медаль и сертификат.

Примечание: по взаимному согласию Американской (США) и Китайской сторон награждение проходило в Пекине, т. к. председателем названной Международной организации в то время был председатель Китайского общества слепых, которое готовилось отметить свое 70-летие. Поехать на награждение я не могла по нескольким причинам: не хватило духа признаться, что с 2022 я не могу стоять больше 30 с., поэтому на сцене мне нужен был сопровождающий и коляска, да и денег на поездку с сопровождающим у меня не было. Свой отказ приехать на награждение организаторам объяснила тем, что много работы со студентами-дипломниками, что тоже было правдой. Кстати, денежную часть премии в 10 тыс. долларов США мне из-за санкций пока так и не выплатили.

Работая старшим научным сотрудником в ИКП РАО (Институт коррекционной педагогики Российской академии образования) с 2000 по 2006 г., я совмещала научно-исследовательскую деятельность по основному месту работы с работой в отделе реабилитации Института профессиональной реабилитации и подготовки персонала Всероссийского общества слепых «Реакомп», где принимала участие в разработке и внедрении пятиступенчатой модели реабилитации взрослых инвалидов по зрению.

Все годы профессиональной деятельности я была не просто членом Всероссийского общества слепых, а занималась общественной деятельностью в Совете по реабилитации инвалидов по зрению при Центральном правлении Всероссийского общества слепых (ЦП ВОС), в бюро Незрячих работников интеллектуального труда при ЦП ВОС, в ревизионной комиссии при местной (Московской) организации незрячих работников интеллектуального труда, была членом редколлегии журналов, издаваемых ВОС («Жизнь слепых», переименованном в «Наша жизнь», «Для вас женщины»). За активную долголетнюю общественную работу в ВОС в 1994 г. была награждена Почетной грамотой Президиума ЦП ВОС, в 1999 г. награждена значком «Отличник Всероссийского общества слепых», в 2004 г. присвоено звание «Ветеран Всероссийского общества слепых», в 2005 г. награждена знаком «За заслуги перед Всероссийским обществом слепых I степени».

Кроме того, я многие годы являюсь членом редколлегии журнала «Школьный вестник», единственного журнала, издаваемого для слепых детей рельефно-точечным шрифтом, а для слабовидящих – укрупненным шрифтом.

С 1988 г. и сей день сотрудничаю с ведущим российским предприятием по изданию книг укрупненным шрифтом и рельефно-графических пособий («Логосвос»), публикуя книги для учителей и воспитателей школ для детей с нарушениями зрения, разрабатывая и редактируя рельефно-графические пособия для обучения слепых и слабовидящих детей.

На сегодняшний день – эксперт Министерства просвещения Российской Федерации, по заданиям которого рецензирую учебные программы, учебники и методические рекомендации, разрабатываемые в России для обучения слепых и слабовидящих детей.

За годы профессиональной деятельности провела множество авторских курсов повышения квалификации педагогов практически всех школ для слепых и слабовидящих детей Российской Федерации (Башкортостан, Бурятия, Кисловодск, Марий Эл, Мордовия, Рязань, Сахалин, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Свердловская область, Татарстан, Тюменская область, Ульяновск, Чечня и т. д.), а также педагогов массовых школ для обучения слепых и слабовидящих детей в условиях инклюзии. На этих курсах читала лекции и проводила мастер-классы (рис. 30–31).

Рис. 30. Лекция волонтерам

Рис. 31. Рязань, 2025

С 1975 г. оказываю консультативную помощь родителям по вопросам воспитания и развития их детей с нарушениями зрения, провожу встречи и вебинары (рис. 32–33); в серию «Заочная школа для родителей», которую издает Российская государственная библиотека для слепых, написала 3 книги с рекомендациями. В 2009–2015 гг. работала методистом и консультантом в украинско-российско-польском

проекте – школе родительского мастерства для семей, которые воспитывают детей с тяжелыми нарушениями зрения. В 2024 и 2025 г. консультировала при Центре реабилитации онкобольных детей по просьбе фонда Димы Рогачева, консультирую родителей детей, потерявших зрение в результате перенесенной онкологии.

Рис. 32. Фонд Со-единение – Подготовка кадров

Рис. 33. Школа-интернат по реабилитации слепоглухих, 2020

Все годы профессиональной деятельности занимаюсь подготовкой квалифицированных кадров в области тифлопедагогики: с 1976 г. читаю лекции в региональных школах для слепых и слабовидящих детей, в 1999–2017 гг., работая по

совместительству в АПКППРО, преподавала на курсах переподготовки учителей по программе «Тифлопедагогика», а с 2018 г. обучаю по направлению «Тифлопедагогика» студентов в Московском педагогическом государственном университете.

Международное признание деятельности: публикации на армянском, китайском, немецком, французском и других языках; чтение лекций по приглашению таких стран, как Беларусь, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Украина; наличие сертификатов об участии в многочисленных Международных конференциях и форумах по проблемам образования и реабилитации детей с нарушениями зрения.

P.S. Венера Закировна – лауреат премии имени Николая Островского, учрежденной мэром Москвы в 2018 г. Премию ежегодно присуждают инвалидам, добившимся выдающихся успехов, а также тем, кто помогает людям с ограниченными возможностями здоровья. За последние годы лауреатами стали более 70 человек. В 2025 г. выбрали 10 победителей в 8 номинациях, получивших нагрудный знак, медаль и диплом (рис. 34–36).

Рис. 34. Премия стала наградой за многолетний труд

Рис. 35. В гостиной юбиляра в РГБ

Рис. 36. Медаль, диплом и нагрудный знак Николая Островского

Первое место в номинации «За существенный вклад в воспитание и всестороннее развитие детей и молодежи в инклюзивном обществе» заняла Венера Закировна Денискина, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры тифлопедагогики Института детства Московского педагогического государственного университета, Почетный работник общего образования РФ.

Поздравляем вас, дорогая Венера Закировна! Новосибирские дефектологи счастливы, что вы много лет поддерживаете наш проект «День дефектологии» и не оставляете без внимания наш журнал! Пусть ваше жизнелюбие, помогающее многим коллегам, детям, их родителям, не покидает вас, даруя здоровье и радость бытия!

Разговор 3

«О своем месте...»

Посвящается юбилею Людмилы Васильевны Васильевой, учителя-дефектолога высшей квалификационной категории МБОУ г. Новосибирска «Специальная (коррекционная) школа-интернат № 37»

Людмила Васильевна родилась 1 января 1951 г. в дружной семье Верховских: военного Василия Иосифовича и медицинского работника Раисы Яковлевны.

– Людмила Васильевна, здравствуйте! Расскажите, пожалуйста, о своем детстве

– Детство было безоблачным и радостным, выросла в атмосфере любви и взаимопонимания (рис. 1).

Как-то пошли с мамой в магазин – в Универмаг на площади Ленина. Это было целое событие. Наверное, мне было лет 5. Там я потерялась...: мама где-то остановилась у витрины, а я отцепилась от нее, потом смотрю – мамы нет. Сначала испугалась: кругом толпа. А мамы нет. Потом подумала: «Что это я буду плакать? Кричать? Нет!» – и присела на корточки. Смотрела на обувь идущих людей, и по обуви, по маминым модельным туфелькам с переплетениями нашла маму. Таких эксклюзивных, красивых туфелек не было ни у кого, все тогда было штучное: крепдешиновые платья, туфли... Я встала и подошла к маме, к туфелькам, без крика и слез. Так по туфелькам я нашла маму.

– Людмила Васильевна, какая потрясающая история. И в ней ваш характер, сформировавшийся уже в 5 лет: выдержка, умение брать ответственность на себя, принимать решения, самостоятельность, саморегуляция...

Скажите, пожалуйста, а формировался ли в детстве образ будущей профессии?

– Да. Я любила играть в школу, хотела быть учителем. С двоюродной сестрой играли в школу: то я учительница, она – ученица, то наоборот. Сестра жила в Искитиме, мы – в Бердске, ездили друг к другу семьями, играли. Заводили специальные тетрадки, там выполняли задания, было интересно (рис. 2).

Рис. 1. Людмила Васильевна в детстве

Рис. 2. Людмила Васильевна в детстве с подружками

– Людмила Васильевна, как вы учились в школе?

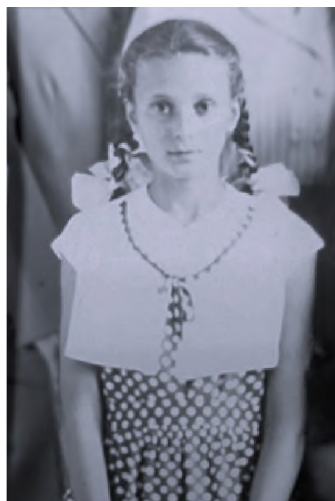

Рис. 3. «Школьные годы чудесные»

– В школе я училась хорошо. Активно принимала участие во всех мероприятиях: была и октябренок, и пионером, и комсомолкой, верила в честность и справедливость, как, наверное, все наше поколение. В школе – в Военном городке ракетных войск – меня назначили председателем совета дружины – доверили такую высокую и ответственную должность, я старалась соответствовать (рис. 3).

Школьные годы промчались быстро...

– Как вы определились с выбором профессии?

– Мама агитировала меня быть педиатром. Я весь десятый класс металась между желанием быть учителем и поступать в медицинский. Весь год ездила несколько раз в неделю на подготовительные курсы в главный корпус мединститута на Красном проспекте, слушала лекции по вечерам (после занятий в школе), все было интересно. Однажды нас пригласили не только на вечерние занятия, но и на день открытых дверей,

чтобы мы получили полное представление о медицинском институте. И вот настал этот день, когда мы могли увидеть все медицинские кабинеты. Абитуриентов пускали подгруппами, студентов-медиков даже в анатомическую лабораторию. Туда зашла очередная группа, и ребята-медики решили пошутить, одновременно сбросив с трупов простыни, одна девушка упала в обморок. Студенты-шутники испугались, взяли ее под руки и потащили к выходу (я была в подгруппе, которая ждала своей очереди вместе с толпой других абитуриентов; дверь в анатомку осталась открытой, оттуда пахло стойким запахом формалина), остальные ожидающие абитуриенты и находящиеся там студенты закричали: «Труп несут!». Все выскочили на улицу,

я тоже вышла. Мне стало плохо от запаха формалина. Перешла дорогу, на аллейке села на скамейку и подумала: «Нет, не надо мне поступать в медицинский институт»... Дома рассказала все родителям, встретила взаимопонимание, на семейном совете приняли решение, что не буду поступать в мед... (рис. 4).

Решила поступать в педагогический на естественно-географический факультет, поступила. Учиться было интересно, преподаватели были прекрасные, студенты талантливые. Отлично помню председателя комсомольской организации педагогического института – Петра Вальдемаровича Лепина, между прочим, однажды сидела даже с его дочкой. Шла приемная кампания, я, как студентка, принимала участие в общественной приемной кампании: это когда студенты-активисты спрашивают у абитуриентов, есть ли у них успехи, какие кружки они посещали в школе, занимались ли спортом, общественной деятельностью, все сведения мы записывали в тетрадь. Сидела я тогда в комитете комсомола, куда и зашел Петр (так мы его звали) с маленькой дочкой и попросил меня за ней присмотреть, что я и сделала с удовольствием: поиграли, поговорили.

На нашем курсе учились в 4-й группе такие люди, как Галина Николаевна Жарова, Любовь Александровна Сайгакова, которые много сделали для развития не только Новосибирского государственного педагогического университета, но и Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. Учились в разных группах, но встречались на общих лекциях. Я училась в одной группе (3-А, Б) с Татьяной Петровной Гороховой, в параллельной – с Ларисой Григорьевной Рудзинской, которых позже пригласила работать в нашу школу, где они и провели всю свою профессиональную жизнь...

Рис. 5. Полевая практика

А в студенчестве было интересно и весело: учебные и трудовые будни, на уборке урожая осенью в колхозных полях. Часто у нас были по учебному плану полевые практики, где мы могли знакомиться с прекрасными цветочками и растениями в первозданном виде. Студенческие годы не забыть... (рис. 5).

Интересно, что на последних курсах института, прогуливаясь по парку, я вдруг увидела высокого худощавого мужчину (это был Валерий Иванович Романенко, мой коллега, в будущем – учитель русского языка и литературы), прогуливающегося вместе с группой глухих старшеклассников по газону, в стороне от прохожих, о чем-то беседовавших на жестовом языке. Я тогда понятия не имела, что в Новосибирске есть школа глухих, а судьба давала мне знак о будущей профессии.

Рис. 4. Людмила Васильевна в выпускном классе школы

– Людмила Васильевна, как вы попали после института в школу глухих?

– В ту пору мы жили с мужем по соседству с Клавдией Михайловной Маландиной, директором школы глухих (она тогда была уже на пенсии), мы много с ней общались, она рассказывала, как во время войны вместе с ребятами шили рукавицы, кисеты, отправляли на фронт, как после войны в этой школе проводили свои исследования знаменитые ученые – Лев Владимирович Нейман, Фёдор Фёдорович Рау, Нина Феодосьевна Слезина, Сергей Александрович Зыков и другие. Они приезжали в Новосибирск, наблюдали за глухими детьми, описывали результаты своих изысканий, общались с учителями, родителями, потом выпускали научные труды, монографии, учебно-методические пособия (рис. 6).

Рис. 6. Фотография 1953 г.: курсы сурдопедагогов Сибири в школе № 37 г. Новосибирска

Она показывала мне вырезки из газет и журналов, с увлечением рассказывала о сурдопедагогической науке и практике, а я с интересом слушала. Сейчас сожалею, что не попросила эти вырезки тогда, ведь это история школы, которая входила в шестерку лучших школ глухих СССР.

Мы можем видеть на этой фотографии (рис. 6), предоставленной Е. Ф. Федорищевой (3-й ряд, стоит справа третья), сурдопедагогом школы № 37 г. Новосибирска, где проходили курсы сурдопедагогов Сибири, этот момент и запечатлен на фотографии: Льва Владимировича Неймана сидящим во втором ряду (4-й справа), рядом с ним слева – Нина Феодосьевна Слезина (1922–1996), выдающийся сурдопедагог, к. п. н., создавшая вместе с Ф. Ф. Рау концентрический метод обучения глухих произношению, автор многих учебников математики для школ глухих (5-я справа), рядом с ней – Клавдия Михайловна Маландина (4-я слева), директор школы № 37 г. Новосибирска, третий справа – Фёдор Фёдорович Рау (1910–1977), дефектолог, сурдопедагог, доктор педагогических наук, профессор, представитель известной

династии сурдопедагогов, сын Ф. А. Рау и Н. А. Рау, вошедший в историю науки как создатель аналитико-синтетического полисенсорного концентрического метода обучения глухих произношению (совместно с Н. Ф. Слезиной).

Теперь вспоминая эти разговоры, понимаешь, сколько знал этот человек. Мы общались по-соседски, помогали ей. Потом так случилось, что у нее умер муж, весь коллектив пришел помогать, там познакомила она меня с коллегами.

Позже сын принял решение забрать ее жить в Одессу. Мы пришли на вокзал «Новосибирск-Главный» ее провожать, а там провожал ее весь коллектив школы № 37. Клавдия Михайловна подошла к заведующему интернатом Людмиле Петровне Казаковой, попросила принять меня на работу, хотя бы до весны – до конца учебного года, с работой было трудно. Сказала она, что я потеряла родителей (ушли один за другим). Л. П. Казакова назначила мне встречу и провела собеседование вместе с директором Владимиром Григорьевичем Макаровым, после чего я устроилась 13 января 1974 г. в школу глухих сначала *воспитателем* (думала, до конца учебного года), присматривалась, приглядывалась к таким профессионалам, как Нина Александровна Черствякова, Антонина Владимировна Титова, Аделина Григорьевна Ромашева, Людмила Петровна Казакова, Светлана Никитична Каторкина и др. – все они тогда были на пике своего творчества, многие только получили второе высшее дефектологическое образование в Москве и Ленинграде. Я училась у этих людей, прислушивалась к их рекомендациям, посещала открытые уроки, приглядывалась, как многие из них пользуются мимикой (жестово-мимической речью) – все это меня увлекало, вызывало чувство профессионального интереса. Однажды на новогоднем празднике я исполняла роль Снегурочки, меня вызвала к себе завуч Нина Александровна Черствякова и сказала: «Хотим предложить вам перейти в учителя». Я спросила: «Может, с нового учебного года?». «Нет, после каникул» – был ответ. Так вот, из воспитателей в costume Снегурочки мне было оказано доверие, я была переведена в учителя – это было огромной честью (рис. 7).

Рис. 7. Людмила Васильевна со своими учениками

Потом было предложено получение второго высшего образования на дефектологическом факультете ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности «Сурдопедагогика».

– *Чем запомнились годы учебы?*

– Уровнем преподавания специалистов кафедры сурдопедагогики (Л. П. Назарова, И. А. Михаленкова и др.). Больше всех запомнилась Людмила Михайловна Быкова. С первого мгновения. Она знакомилась с поступившими и спрашивала, кто откуда, когда узнала, что мы втроем (с М. П. Сутириной и А. Подлатовой) из Новосибирской школы, сказала: «Ой! Очень хорошая школа! Привет всем учителям – нашим выпускникам!». Людмила Михайловна лекции читала блестяще! Всегда полная аудитория слушателей, в ту пору она готовила свое знаменитое учебно-методическое пособие «Методика преподавания русского языка в школе глухих» (совместно с Е. А. Горбуновой, Т. С. Зыковой, Л. П. Носковой), материал преподносила структурированно, эмоционально, с примерами. Это и было настоящее живое общение, которое запомнилось нам на всю жизнь. |

– *Людмила Васильевна, как повлияла на вашу судьбу школа № 37?*

– Эта работа мне очень нравилась. Это мое место. Хорошо, что я не пошла в медицину, хотя я ее люблю, и многие родственники – медики, внучка сейчас работает врачом. Но моя любимая работа – это работа в школе, с глухими детьми. На любимой работе пополняется жизненный запас. Ты узнаешь, кто есть кто, общаешься с детьми, их родителями, коллегами, обогащаешься (рис. 8).

Рис. 8. Людмила Васильевна с учениками, коллегами и родителями на новогоднем празднике (вторая справа во втором ряду)

Много было интересного, мы с вниманием относились к творчеству друг друга, советовались друг с другом, помогали, старались, чтобы нашим ученикам было хорошо, чтобы они по-настоящему развивались, мы вместе радовались их успехам (рис. 9).

Рис. 9. Коллектив школы № 37 г. Новосибирска (1992 г.).
Людмила Васильевна третья слева во втором ряду

Наша школа всех нас объединяла на разных этапах своей жизни, при разных директорах. Были и профессиональные переживания, были и периоды профессионального позитива, например, в 1994 г., когда директором стала Н. Д. Стрельникова, завучем была А. В. Титова (рис. 10).

Рис. 10. Людмила Васильевна рассказывает губернатору Новосибирской области Ивану Ивановичу Индинку (1994 г.) о сложностях сурдопедагогической профессии и о возможностях развития глухих детей

– Людмила Васильевна, что вы хотите пожелать своим коллегам?

– Несмотря на недомогание и болячки, которые приходят с возрастом, держаться, не падать духом, жить и радоваться, наслаждаться жизнью!

– Какие книги повлияли на вас?

– Разные...

Люблю читать воспоминания известных людей: Галины Вишневской, Майи Плисецкой, Николая Цискаридзе. Они рассказывают о разных сложных ситуациях, в которые они попадали, о том, что трудности учат человека чему-то, и он, научившись, преодолевает их и развивается дальше, а жизнь – это развитие.

– Спасибо большое! А какие напутственные слова у вас есть для студентов, решивших посвятить себя дефектологической профессии?

– Если приходите работать, нервничаете, раздражаетесь, сомневаетесь, если работа не доставляет удовольствия, если работа «не по тебе», если внутри что-то не вяжется, лучше уходить сразу. Надо понять: твое ли это? Если твое, работай, старайся, чтобы приносить радость другим. Я с радостью шла на работу и с радостью шла домой с работы все 33 года, чего и вам всем желаю!

– Благодарю вас, Людмила Васильевна! Что, на ваш взгляд, самое важное в жизни?

– Найти свое место, местечко, точку, чтобы это место радовало (работа, дом, семья, друзья – для каждого свое). Главное: жить и радоваться!

– Спасибо, дорогая Людмила Васильевна, лучше не скажешь! Благодарю за этот важный и нужный разговор!

P.S. Лично я хочу поблагодарить вас за то, что много лет назад я полгода ходила к вам на уроки в класс, где учились мои будущие ученики, чтобы понять, что такое учить глухих, а вы терпеливо объясняли и рассказывали, были одним из тех немногих людей, кто повлиял на выбор моего места в профессии, на решение уйти из массовой школы в школу глухих, в сурдопедагогику, в дефектологию. Ваш профессионализм, знания, любовь к детям, отношение к людям, поразили меня тогда, удивляли все годы нашей совместной работы и восхищают сейчас! Дети, которые от вас пришли ко мне, с теплотой и нежностью отзываются о вас сегодня, передают вам сердечный привет и свои поздравления!

Школа № 37 г. Новосибирска переживала разные периоды, в самые тяжелые ситуации ее спасали люди, коллектив. Одним из этих людей были вы!

Необходимо заметить, что вы, как учитель-дефектолог от Бога, помогали детям с разными проблемами здоровья и в ГБУ Новосибирской области – Центре психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи детям «Областной центр диагностики и консультирования» – о вашем профессионализме вспоминают и родители этих детей, и коллеги.

С юбилеем, дорогая Людмила Васильевна! Мы, все, кто с вами работал, у вас учился и имеет возможность общаться с вами, искренне рады, что на жизненном пути нам посчастливилось встретить вас: образованного, интеллигентного, порядочного, надежного и честного человека, преданного своей профессии, любящего людей, умеющего дарить радость и радоваться жизни! Здоровья и благодати!

Разговор 4

«О духовных ценностях семьи, добровольчестве и тифлопедагогике...»¹

Посвящается юбилею Натальи Александровны Одиноквой, доцента кафедры логопедии и детской речи Института детства ФГБОУ ВО «НГПУ», доцента научно-исследовательского отдела Сибирского института практической психологии, известного специалиста в области тифлопедагогике и тифлопсихологии

– Наталья Александровна, будьте любезны, расскажите, пожалуйста, о своей семье, какие ценности у вас там были и как они вам помогают в жизни сегодня?

– Я из многодетной семьи (рис. 1).

а)

б)

Рис. 1. а) Родители Н. А. Одиноквой: Александр Михайлович Рабий, Галина Антоновна Петрик;
б) Наталья Александровна с мамой и сестрами (г. Минск)

Рис. 2. Первоклассница (справа)

У меня две сестры и брат. К сожалению, старших уже нет, очень рано ушли, а младшая живет в г. Минске, и там, где как раз и я жила тоже, и родилась (рис. 2).

Жила вместе с нами бабушка Нина Казимировна Лютынская (рис. 3).

Поэтому я всем завидовала, у кого бабушки были в деревне: они приезжали, рассказывали, что они в речке купались, в лесу, и я всегда говорила: «Мама, почему наша бабушка не в деревне, а рядом с нами?». Поэтому мы жили большой семьей, все вместе в маленькой хрущевке, в двухкомнатной квартире. Я удивлялась, как каждому находилось место. И когда я училась, наверное, в классе шестом, нужно было написать сочинение – я сейчас не вспомню это название, может быть, о ком-то, о каком-то герое

¹ Стиль и пунктуация авторского текста сохранены

написать или еще что-то – и я написала о бабушке своей, расспрашивая ее, и где она, и что, потому что я обратила внимание: очень часто к бабушке стали приходить ученики других школ и классов, и она газеты раскладывала, она им показывала. Бабушку очень часто печатали даже в перекидном календаре про вагоновожатую, фильм был «Через город, через годы» о ней; второй был фильм «Коммунисты». Дело в том, что там была династия: вот она водила трамвай, потом мама – у мамы у нее у самой было трое детей, поэтому двое братьев маминых, ну то есть вот они были водителями троллейбусов, вот так вот водили. Поэтому, конечно, там рассказывала, тем более Беларусь, Минск. Она много рассказывала, как увозила и прятала памятник Ленина, который находится, где Дом правительства, и как-то я решила написать сочинение, как она была на 16 съезде в Москве, как она видела Мавзолей Ленина, как она ездила в Белосток. Сколько интересного! И вдруг учительница подходит и удивляется, что бабушка награждена орденом Ленина и медалями и говорит мне: «А можно бабушку твою пригласить на сбор сюда к нам?». А я училась в музыкальной школе, пришла с бабушкой, мы принесли баян, я играла «Взвейтесь кострами», еще какие-то песни пели, а бабушка рассказала о своей профессии вагоновожатой. Она рассказывала, как все началось: отправляли в Москву учиться, когда в Минске пошел первый трамвай, и пять человек подготовили – четверых мужчин, потому что ходили это трамваи открытые, холодные, а бабушка была первой женщиной из первого набора, который послали. Потом пошли ученики... Сейчас в трамвайно-троллейбусном управлении вагон первый, ленинградский, там бюст нашей бабушки. Она же партизанила отряда «Буревестник». Она убирала в типографии и выносила потихоньку шрифт, бумаги, соломой прикрывая... А последний сын ее родился 20 мая, поэтому когда началась война, был ему всего лишь было месяц... Вот мы проходим через проходную, а я говорю: «Нам печку топить, печку топить». И как ты, говорю, бабушка, как ты могла? Она говорит: «Я уже так рисковала, а о детях как-то не думала». То есть она выносила потихоньку эти шрифты, буквы для того, чтобы можно было листовки делать. Вот так, не боялись. То есть она была в оккупации, прожила вот в этом во всем. А в Москве этот бюст уже полностью ее за ручками трамвая, а в Минске черновая работа, до сих пор этот бюст есть, я видела, там в этом вагоне музей сделан. Потом бабушку пригласили на школьное собрание, и там она уже рассказывала о войне, о профессии, о войне...

Жила я в атмосфере, где сама жизнь учила, «что такое хорошо и что такое плохо», а бесед специальных на эту тему со мной никто не проводил. Тем более рядом со мной был еще отец: они собрались с ребятами, поехали в Ленинград поступать из Беларуси в техникум радиотехнический.

Даже есть фотографии, где он в этой форме где он учится на первом или втором курсе. Когда он меня повез в Ленинград, я была школьницей еще, он показывал: «А вот здесь мы жили, а вот здесь то-то...» Он подводил к этому месту, где и застала блокада отца, не очень про это рассказывать любил. Это проскакивало какими-то такими маленькими фрагментами: может быть, во время фильма, может быть, невзначай, иногда даже мама его рассказ пересказывала, не было это при нем. Его группа была в шестнадцать ребят, и он один остался жив. И он рассказывал:

Рис. 3. Бабушка –
Нина Казимировна
Лютынская

«Я уже так вот ложечкой так вот разжимаю зубы там, да, и вливаю». И я помню его слова, когда он сказал: «Я вот так ремень, вот так вот порезал на кусочки, заварил и, знаешь, Наташа, жил ... А потом бомба попала в магазин, и все сгорело, но сахар превратился в патоку: “Я эту патоку очищу, наберу и вот эту сладкую водичку им забрасывал”». И я своим детям говорю: они остались живы для чего? Для того чтобы, чтобы я родилась, чтобы вы родились. Потом говорит: «нас вывезли на землю, три месяца подкрепили». А ему исполнилось 18 лет 16 апреля. И есть книга, его командир описывает и фотографии представляет в этой книге, где было написано, что 1 октября он уже был зачислен вот в этот полк, где был стрелок-радист полка, и он летал вместе с командиром (рис. 4).

Рис. 4. Фото 18-летнего Александра Михайловича, начало службы на фронте

И такой случай получился, что он летал, а потом был ранен, и он не полетел, и командир полетел с другим стрелком-радистом, и он больше не вернулся, командир.

Вот они как тандем какой-то были, и опять отец остался жив для того чтобы... чтобы... (рис. 5).

а)

б)

Рис. 5. Александр Михайлович: а) стрелок-радист, б) конец войны, награжден орденом Великой Отечественной войны, медалью «За освобождение Заполярья»

Рано очень ушел из жизни, в 50 лет, рак. То есть сказалось вот это все-таки питание, вот это все. Всегда был худощав, и всегда был... А я когда поняла, что такое стрелок-радист, по фильмам, и думаю: «Боже мой, это в самолете он был спиной к летчику, вот с этим пластмассовым колпачком и стрелял, который ничего не защищал». Самое интересное: после войны он еще четыре года на Севере, то есть война не считалась за службу, после этого еще четыре года он служил в морской авиации официально. То есть вот так, так что досталось вот это так долго и так далее. Поэтому болел цингой, сложно все было. Наверно, вот эта атмосфера, вот эта обстановка какая-то... Ну почему было не принято ничего не расспрашивали, ничего сильно не выспрашивали? Видимо, было очень много всех таких, и наверно, все берегли вот это что-то такое, хотели забыть, может быть. Не знаю, ну вот как-то это не сильно афишировалось в семье, не приукрашивалось ничего вот этого. Ну, я понимала, что они герои. А когда я узнала, что потом класс носил имя бабушки моей... Нина Казимировна Лютынская. Если сейчас в интернет забить ее фамилию имя отчество, там будет описание, выдержки из газет... Открытость, доброту я видела, преданность людям, ответственность какую-то за это все. Бабушка возьмет меня на работу, сменил маму, мама меня приведет домой. Я не знаю, что такое муштра, наказание, жила в свободе, наверно. Мне это помогло, когда я пришла из школы работать в детский сад. Начинала-то я педагогическую деятельность в школе. Я, наверно, удивилась: как так маленьким детям нужно сложить руки ровно, поднять, встать, что-то дисциплина какая-то, академическое отношение. Для меня это было всегда непонятно, потому что это такой короткий период, и это должна быть действительно вот то, что ребенок, вот ему дается такой период – вот это все взять себя, пока идет интерес, радость жизни, познание мира. И какое счастье, что я действительно пыталась, что могла, как-то ломать. Я никак не понимала, что ребенок маленький, а он должен как в школе там вот это все выполнять, и мне доставалось за то, что убирала столы, на ковре что-то делали или стоя. Это было так удивительно, как это так, или что-то они шуметь могут себе позволить. Сейчас очень хорошо, что все поменялось. Это такое счастье, что все-таки взглянули на детей, особенно маленьких дошкольников, совсем по-другому. Это давно было пора, действительно, особенно на детях, которым действительно жизнь ограничила какие-то возможности.

– *Наталья Александровна, расскажите, пожалуйста, о ваших школьных годах.*

– Немножко хочу сказать, что в школьные годы мне нравилось что-то делать, где-то выступать. Я помню, как пела на сцене, что-то играла на баяне, но я стала первой комсомолкой. В то время в классе нужно было только с четырнадцати лет, мне в январе исполнилось четырнадцать лет, я выучила этот устав, поэтому комсоргом закончила школу. И это же именно учителя и класс продвинули тех, кто достоин. Увидели во мне, может, организаторские способности, может, еще что-нибудь, поэтому и стала комсоргом школы. И поэтому возможность проводить собрания, какие-то мероприятия (сейчас конференции) – это, видимо, отсюда. Помню, даже мы пытались организовать тимуровское движение, потому что мы смотрели фильм как раз «Тимур и его команда», и мы пытались находить первых пионеров, также и первых комсомольцев, ходили по городу, это я помню, как мы ходили по городу Минску, и у нас были адреса, помогали немножко учителя, конечно, нам этим, где-то мы сами, и мы посещали, спрашивали точно так же, как в фильме: «Звонят – откройте дверь», где Проклова играет, и мы потом приглашали их на свои мероприятия. И был такой момент смешной. Мы же очень много писали в старших классах сочинений, нужно было вот как раз девятые и десятые классы, и я посещала

литературный кружок. И для меня писать сочинение было так легко, что я даже писала их в виде стихов, немножко подправлял наш педагог, давали тематику, и потом, конечно, зачитывал наши стихи там, где-то в наших стенгазетах, где-то печатались. Сейчас этот навык я уже утратила, но когда я в детском саду была председателем профсоюзного комитета, и у нас был юбилей какого-то педагога, я могла что-то придумать и на какую-то мелодию переложить. Когда стенгазету нужно было в детском саду «Теремок» выпускать, тоже получалось, то есть, то, что в школе я получила, пригодилось во взрослой жизни.

– Скажите, пожалуйста, о своей юности, что было после школы, Наталья Александровна? Как вы школу вообще закончили и что дальше было?

– Конечно, без троек закончила очень хорошо, там несколько четверок было. (рис. 6).

Рис. 6. Н. А. Одиноква окончила 10 класс (крайняя справа)

В школе нужно было, конечно, часто писать сочинение «Кем ты хочешь стать?» Мне действительно вот почему-то ну не было трудно, мне почему-то было хорошо, мне было вот как-то комфортно на работу ходить. Не знаю, может быть, я пришла в этот мир, чтобы нести информацию какую-то, приносить людям радость, может быть, дарить и отдавать эту информацию. Чем ты больше отдаешь, может быть, к тебе приходит. Но я тогда уже что-то писала о том, что я помню детское какое-то сочинение, но это уж больно в младших классах, о том, что мне почему-то хотелось на Севере жить, наверно, поэтому приехала сюда. Но я представляла, что вообще Север, конечно, очень тяжелый, где на оленях, на собаках нужно было ехать и рассказывать детям и т. д. Наверно, я где-то рассказала это своему супругу, который до сих пор мне это вспоминает: «Тут сбылась твоя мечта же». Поэтому после школы я подошла к маме, говорю: «Мам, куда поступать?». А вот характеристику мне дали, конечно, классный руководитель, до сих пор она есть там, ну вообще только медаль заслуживает, да, вот это моя характеристика. Ну она все описала о том, что и про активность мою, да, и про стихи, да, и про комсоргство. Но она говорит: «Дочечка, я говорит, не знаю, что тебе посоветовать, ты сама лучше знаешь». Я же закончила университет, но я изначально поступала в пединститут на дошкольный факультет,

а рядом стоят три девчонки. А вы? А они говорят: «А мы, где дети больные». Я говорю: «Ой, нет, как это я буду с больными?» Они не знали слово «дефектология». Я говорю: «Ой, нет, как с больными ребятами работать!» И я, конечно, подавала документы на дошкольный, на то, что работать с нормой. Но можете себе представить, тогда нужно было сдать и учитывался балл ещё аттестата, и мне не хватило ноль целых сколько-то там десятых по баллам, и я не прошла, и всё. Я не поступила, и нужно было что-то делать, потому что в нашей семье не принято ничего не делать: надо или работать, или учиться. Потому что так все, ну это не задается вопросом, это нужно было и все. И чтобы ну как-то не растерять, наверное, какой-то навык я оказалась в политехническом техникуме, ну потому что там математика получилась, русский язык получился, ну то есть я с этим поступила в политехникум имени Красного Знамени. Конечно, я знала, что я туда пойду, потому что это временно, вот я сейчас годик здесь, чтобы как бы не разучиться, и я уже пойду на следующий год туда, куда хочу. Но когда прошел год, я учусь на пятерки, там оптико-механические приборы... Но откуда же я знала, что они мне пригодятся работать с детьми с нарушением зрения и вести дисциплину «Технические средства коррекции нарушения зрения» в университете, которую я вела много лет, и сейчас насколько мне легко понимать, что такое ортоптический кабинет, эти приборы оптические, как они работают, когда не брала ортоптистку, я сама проводила лечение или когда нужно было быстрее подтянуть ребенка, вешали, ну например, приносили мне в кабинет тифлопедагога прибор, и я на нем занималась. Откуда мне знать, как? Но в ту пору, отучившись год, я пришла и стала забирать документы, но мне их не отдают. Я первую, вторую сессию сдала на отлично, и конечно, мне заведующая говорит о том, что: «Наташ, но ты молодая девчонка, вот такая, ты сейчас выйдешь замуж, ты сейчас родишь и вообще не закончишь, а ты уверена, что ты поступишь, ты заканчивая потом туда поступишь?» В общем, меня обработали, и конечно, все, этот вопрос отпал. А так как я поступала после десятого класса, учиться мне, конечно, нужно было совсем немножко, это техникум, и так далее, тем более уже втянулась, я сдружилась уже с ребятами и девчонками, уже своя компания, уже какие-то интересы, что мы делаем, выезжаем, вообще студенческая жизнь уже меня, конечно, захватила. Я доучилась, я получила красный диплом, висела огромная такая на стене доска, и конечно, там моя фамилия, потому что в этот техникум поступила моя сестра младшая, но она, правда, поступила на другое отделение, на делопроизводство, поступила, и она гордилась: «Это моя сестра!» Я оказалась с красным дипломом (рис. 7).

Рис. 7. Окончание техникума (1977 г.). Н. А. Одинокова – вторая слева

И конечно, недолго думая, я тут же побежала, но я не могу поступать туда же опять. И я села и стала думать... Хотя я здесь отучилась на оптико-механическом, почему-то техническая сторона меня не потянула, и я пошла в университет и пошла на географический факультет, и потому что географию знала лучше всего, а потому что учительница рассказывала, а потом: «Кто пойдет отвечать?» – я так любила рассказывать, я так еще что-нибудь почитаю, так любила политинформацию проводить, ходила по другим классам по вторникам, проводила политинформацию на начало уроков десять минут. А однажды мне учительница говорит: «А откуда ты это все знаешь? Вот в книжке, в учебнике этого нет». Я говорю: «Так вы же рассказывали». Более того, когда уже, наверное, два курса закончила, я поехала к ней, ночевала даже у нее, на уроке ее присутствовала, она уже присутствовала как по-другому, как будущий учитель, она вела потом говорит: «Наташа, выручай, слушай, мне надо дневники проверить, ну-ка давай», – говорит, и я встала и стала вместо нее. Она говорит: «Так, сейчас проведет Наталья Александровна», – я на дневники, а я говорю: «Ну как, Юлия Ивановна?» – «Ну ты прямо как я!»». Для меня, наверное, были образцы вот, например, как для преподавания сейчас я брала образец с Венеры Закировны Денискиной, она для меня стала образцом взаимодействия со студентами: вести себя, говорить, смело рассказывать о своих примерах, о своих трудностях, о том, как она их преодолевала. То есть я очень смело поэтому рассказываю об этом обо всем, потому что у меня есть хорошие такие вот учителя-образцы. Я получила университетское образование (рис. 8).

а)

б)

Рис. 8. Наталья Александровна в день окончания
Белорусского государственного университета (1983)

Потом вышла замуж, муж был курсантом нашего минского училища, и нас отправили в Красноярский край. Когда делал мне предложение, он сказал: «Подумай, перед тем, как дать согласие там, потому что будет магазин, там будет медчасть, и там будет школа, а ты со своими тут оптико-механическими приборами где?» и так далее, вот это все. Поэтому мы еще до университета уже была замужем там, но только-только мы в апреле поженились, вот шестнадцатого апреля, сорок девять лет в этом году. На следующий год пятьдесят у нас вот (рис. 9).

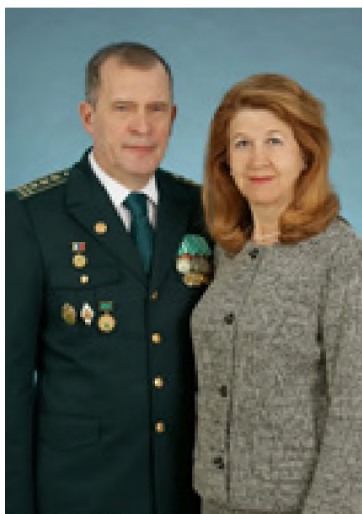

Рис. 9. Супруги Одинокovy

Когда он закончил, мне пришлось перевестись на заочное, досрочно сдавала экзамeны. Вот помню, я сдала экзамен тоже один на пятерку, все так удивлены, что он тебе поставил, он вообще пятерок не ставил вообще. То есть вот я не знаю, как я эти пятерки зарабатывала, сама не знаю. Я студентам смело говорю: я всегда писала шпаргалки, я знала, что я ими никогда не пользовалась, я они у меня есть, что они у меня в сумочке. Наверное, это как раз был краткий конспект из большого сделать краткое изложение, наверное, это помогало мне, хотя я делала это неосознанно, но я делала определения, какие-то выдержки, может, это помогало, может, моя память помогала, не знаю. Я всегда сидела за первой партой. Жалею, что во время нашего студенчества не было такого распространения конференций, статей, олимпиад, того, что сейчас, каких-то сертификатов, благодарностей, но я с восторгом смотрела на этих академиков, профессоров, как они сидят и как они рассказывают. Думаю: как они это знают? Они прошли путь огромной практики, конечно. Для меня очень практика была важна. И когда одна из учителей рисования в десятой школе нашла меня, потому что внучка у нее стала слепнуть, один глазик уже ослеп, и она пригласила, а я стала по воскресеньям приезжать в десятую школу, с ней заниматься. И как-то по сарафанному радио стали присоединяться другие родители с детьми, которые не в школу, не в детский сад не ходили, тяжелейшие дети. И наверное, я не могла им отказать. Они никто не задавал вопросы, почему я приезжаю, и я не задавала себе вопрос, почему я это делаю, почему меня муж туда отпускает каждое воскресенье. Я дочку к тому времени родила, ее брала с собой. Но потом я начинаю понимать: оказывается, эта учительница по рисованию выручала тем, что она с занималась нетрадиционными лепкой, там нетрадиционными подходами, пока я сенсорикой занималась с остальными ребятами, а дочка ей помогала. И, наверное, когда я спросила: «Таня, но куда ты будешь поступать? Что ты умеешь делать, кроме, как рисовать?» – «Ничего не умею». И, наверное, вот эти шаги первые любви к рисованию, к мастерству заложились там у нее. Поэтому как говорится, преподаватель искусств, рисования, художник... И вот, наверное, я иногда рассказываю про свою жизнь, своих детей, наверно, вот все как идет из семьи важно. Здесь была работа с детьми уже, вот это рисование, а у нее получилась вот судьба архитектурная, Художественная академия, магистратура это по рисованию. А когда был у меня

сын маленький, у меня везде карты в квартире вместо ковров висят, я еще вела и историю, и я дома там тренируюсь, репетирую. Какой опыт-то, как говорится, все приобретала, и ношу его на руке, сама показываю, рассказываю, готовлюсь к урокам: «Садись, слушай меня». Вот он так вот сидит, а я ему рассказываю про эту географию, ему три года или сколько, а он сидит меня слушает. Поэтому он, наверное, в пять или шесть лет знал все части света, все океаны, и когда меня спрашивали на родительском собрании: «Это вы мама Дениса Одинокова? Мама, а какие книжки у вас читает сын?» Да, не знаю, не учила я его любви к книгам, но наверное, вокруг были книги, вот их и читает. Поэтому он прибежал: «Мама, какую книжку мне подарили!» Я смотрю: астрономия, десятый класс. Это, видимо, брат кого-то там закончил десятый класс, отдал Денису книжку «Астрономия». Меня вызвали в школу в первом классе в декабре месяце, я как сейчас помню, это было зима, так прихожу, оказывается, стоят учительница и еще кто-то, не знаю, может, завуч, я сейчас не вспомню, учительница и говорит: «Вы что, издеваетесь над ребёнком? У него будет, будет забор от мозгов», – это цитата. Я спросила его: «Кем хотите быть?» Дети называли: шофер, там космонавт, а ваш ребенок, кстати, эти два слова по слогам я потом записала у Дениса, чтобы выучить, он сказал, он будет космобиологом или астрофизиком. Это я сейчас легко эти слова говорю, на самом деле я их не запоминала, пока он не скажет. Он знает таблицу умножения, простите, я её не знала, и химию он знает, я не всё знала, а вот он не учил её, таблицу Менделеева, увлекся химией, биологией. Первое место занял по биологии, ездил потом по району, городу, потом по России. Я помню, он пришел ко мне: «На какую олимпиаду идти?» Я говорю: «Ну, ты ж любишь биологию». «Учительница хочет, чтоб я по химии сходил, а они в одно время». Я говорю: «Ну все-таки иди на биологию». Приходит: «Я и на химию, и на биологию сходил». Вот поэтому он принят был без экзаменов в институт медицинский, он только сдавал русский язык, сочинение, и то ну выдам такую тайну: он просто выучил наизусть эти стихотворения, где запятые, точки, просто ходил как стихотворение, выучивал много-много сочинений для того, чтобы какое-то попадется, чтобы без ошибок написать. А химию и биологию, потому что за олимпиадные эти уже пятерки были, и он поступил, закончил медицинский институт, потом закончил две магистратуры. Он сначала по медицине с робототехникой там что-то, чтоб робот был человеком, но потом вернулся все-таки к медицине и закончил химико-биологическое направление, то есть вот что-то с научной деятельностью больше связан, хотя у него лечебное дело, по геномам болезни какие-то изучает. Наверное, вот эти книги, вот эти рассказы про животных, про климат, а потом воды нет горячей или что-то, или какой-то карантин в детском саду, я, конечно, брала его на уроки, и конечно, он сидит рядом, там что-то раскрашивает или там печенье кушает, а здесь я веду урок, и что-то, наверное, вот сложилось у него, с точки зрения вот этого научного этого химико-биологического направления, потом, впоследствии привело в эту сферу. А у дочери – художественное, я не знаю, вот одна семья, никого нет у нас, дедушки, бабушки не влияли, мы отдельно жили, значит, это что-то внутри и чем мы занимались, как раз, что мы делаем. Не любил сын очень военное дело, потому что, когда мы ему предложили, была возможность перевестись в Томскую военную медицинскую академию, он сказал: «Я не смогу, дисциплина там». Каждый выбрал свой путь (рис. 10).

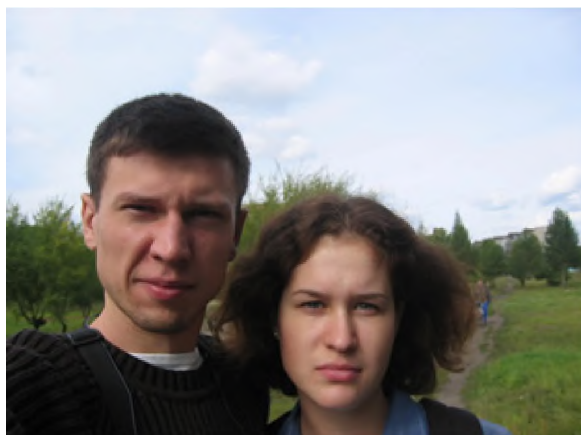

Рис. 10. Дети Натальи Александровны

– Наталья Александровна, расскажите, пожалуйста о работе в Белорусском обществе

– Мне позвонил председатель белорусского движения «Белорусы Сибири», я, конечно, откликнулась. Среди трех мужчин, почти как у бабушки, я оказалась четвертой женщиной, где как раз вот получился толчок, толчок развития белорусского движения. Как мы начинали на Ломоносова там, в деревянном здании, как к нам присоединялись, как мы раз в месяц собирались, как нам было интересно узнать о каждом, о себе (рис. 11).

а)

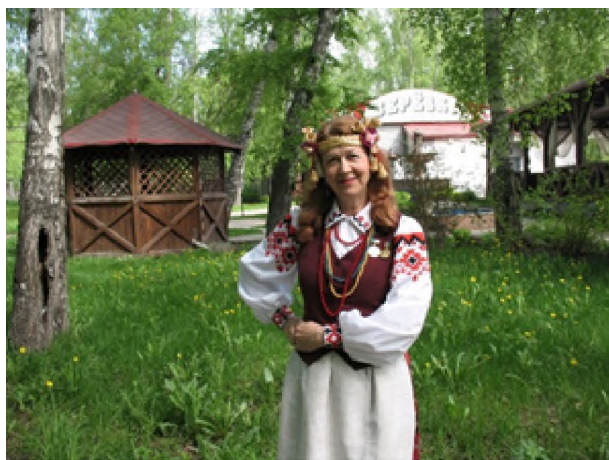
б)

Рис. 11. а) белорусочка; б) Лявониха

На сегодняшний день существует центр белорусский и общественной организации. Активность проявилась, когда мы встречались, обязательно то какую-то викторину придумаю, то какой-то конкурс, то еще что-то, потому что не просто посиделки были. Я уже дожила до заместителя, хотя много раз приглашали быть председателем, но я как-то вот все равно была на вторых ролях, и мне это вполне нравилось, потому что дети были, семья, тут нужно было быть свободным. Поэтому были пенсионеры, а я еще была достаточно молода вот на это дело. Белорусское движение потом захватило тоже. Когда я стала работать в университете, я, конечно, привлекла тех студентов, с которыми выступали на Дне города, на Рождество, на Славянском подворье (рис. 12 а), которое проводится в Березовой роще, и студенты

очень любили шествие, надеть национальный костюм на Девятое мая, а в две тысячи девятом, две тысячи десятом году даже наша фотография была как эмблема Института детства. Фотография была напечатана в номере «Абитуриент две тысячи девять, две тысячи десять» (рис. 12 б).

а)

б)

в)

Рис. 12. а) Славянское подворье; б) «Абитуриент 2010»; в) обложка городского межнационального журнала № 2 (36), 2023 г. «Содружество наций» – слева Анна Терешкина, выпускница Института детства НГПУ 2025 г. – участница Славянского подворья, волонтер

– Наталья Александровна, расскажите, пожалуйста, о научно-исследовательской деятельности студентов и их выступлениях в Белоруссии

– Много лет мы ездили обязательно в г. Минск, потому что были дружны с педагогическим Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка, у нас действует договор, и туда ездили на олимпиады. Раньше олимпиады были каждый год, и мы каждый год ездили, потом стали раз в два года, последние года даже мы не ездили, но мы то отправляли свои работы, на онлайн-участие. Я могу гордиться, потому что, например, Екатерина Фур (известный сейчас в городе человек) заняла первое место. Мы всегда приезжали со вторым, с третьими

местами. Огромная гордость за наших студентов, за нашу подготовку, когда они достойно защищали проекты или отвечали на вопросы. Все это, конечно, дорогого стоит. Мы с преподавателями: статьи писали, у нас много статей, например, я печаталась совместно с их преподавателями там, а они печатались в наших журналах, потом обменивались лекциями. И студенческие статьи тоже печатали. Каждый год у нас обязательно была статья совместная. То есть это теплое, дружное такое движение белорусское поддерживал Рубен Оганесович более 10 лет.

Мы, конечно, очень дружны были с библиотекой на Станиславского, 29, центром «Содружество», где мы проводили викторину «Мы живем в России», где студенты и группа ребят разных национальностей соревновались по знаниям. Это началось со времени работы в университете. Я помню первое свое выступление, когда я приехала, это я именно рассказывала как раз о взаимодействии, и помню такое предложение было красной нитью: «Ребенок должен быть...». Меня удивило тогда: не было компьютеров, ничего, на меня было удивительно, что такая огромная команда специалистов, и разные темы, у каждого разное направление, каждый отвечает за себя, такая нагрузка, и сейчас ни для кого не удивительно, что вот это комплексное взаимодействие, что команды работают. Схемы помню рисовала, как к схеме пришла, то есть я обратила внимание, что очень много общих вопросов, например, к мелкой моторике, к ориентировке в пространстве и так далее, и вот как раз вот эти вопросы выделила из всех специалистов и стрелочками рисовала, что и как там кто как взаимосвязан и так далее. И наверное, потом по эмоциональным и статья вышла у меня по эмоциональной сфере. Ведь самое главное: не просто какую ты эмоцию передаешь, а была задача распознавания эмоций стоящего человека напротив, как ты воспринимаешь эмоцию человека. Тем более уже работала по нарушению зрения. И меня приглашают на факультет педагогики и психологии и педагогики детства, на кафедру коррекционной педагогики, предложили должность заместителя декана по воспитательной работе.

– *Не жалеете?*

– Конечно, не жалею, потому что здесь возможности работать было больше. Практика была тифлопедагогическая пять недель, я старалась показать студентам, была руководителем практики, что не только школа и детский сад, то есть я отправляла в школу, в детский сад, я помню, отправляла в центр «Глазка», в краеведческий наш музей, в библиотеку слепых и слабовидящих.

– *Как вы пришли в дефектологию, в тифлопедагогику?*

– Мы приехали в Новосибирск, в Ачинске я работала в школе, переезжаем сюда, я, конечно, пошла в школу. Увидев мой послужной список, они даже меня сразу хотели поставить завучем по воспитательной работе. Но ситуация была такова, что у меня с сыном начались проблемы со зрением, реанимация, как мне и врач он сказал: «Где тонко, там порвется», вот ну вот как раз вопросы со зрением начались у него. И встретив коллегу, познакомившись с соседкой, она говорит: «Чтобы тебе не потерять педстаж, ты временно сходи, вот у меня работает сестра родная методистом». Ну-ка давай, конечно, я взяла справочник детских садов, смотрю, где какие поблизости, и стала обзванивать. Ну и в один дозвонилась, причем методисты, я даже не знала, что это такое, я звоню, и один сад говорит: «Это нам не надо», а в один дозвонилась – там полставки.

– *Замечательно!*

– Я пришла, меня взяли на полставки методиста и полставки музыкального работника, поэтому вела утренники, музыкальные занятия и была методистом (рис. 13).

Рис. 13. Занятия в детском саду проводит Наталья Александровна

Сын был рядом со мной. Я пони пригласила из зоопарка, приехали на санках, катали детей, праздник был на улице. И одна из заведующих другого большого, двенадцатигруппового детского сада пригласила меня в тот сад, потому что там нужно было открывать группы детей с нарушением зрения. И это меня, конечно, привлекло, потому что этот сад, был близко от дома. Пришла сначала методистом, вот и тут проработав, она говорит: «Слушай, нужен дефектолог». Я даже не знала, что это такое, она говорит: «Вот отправлю тебя учиться». Был логопед, был вот, а я говорю: «Вот тут логопедом, логопед у меня есть, вот могу». Честно сказать, я даже плакала две недели, она меня уговаривала и так далее. Она меня отправляет в Москву, в Институт коррекционной педагогики, которым еще Владимир Иванович Лубовский руководил, но там была уже Венера Закировна Денискина, там была Любовь Ивановна Плаксина, был Борис Константинович Тупоногов, еще была жива Людмила Ивановна Солнцева, то есть, Боже, я не знаю просто, встречами с кем можно было еще обогатиться, еще Григорян, которая рассказывала, как врач-офтальмолог, но у нее девочка была с высокой степенью амблиопии, она рассказывала о своей

дочке, как она пришла, то есть это был такой хороший уровень, эти люди, с которыми я столкнулась, смотришь на них, с замиранием сердца. Я заканчиваю переподготовку на базе высшего образования, а потом факультет педагогики и психологии детства. Я полных шесть лет, от первого до последнего курса, конечно, училась, но писала уже диплом по нарушению зрения (рис. 14).

Рис. 14. Окончание факультета педагогики и психологии детства НГПУ (1995): сидят слева направо – Елена Адольфовна Борисова-Глебская, Елена Билусовна Кузнецова, Раиса Александровна Беляева, Эрна Давыдовна Гейци, Наталья Яковлевна Большунова, Елена Владимировна Методист, Наталья Александровна Одинокова стоит в третьем ряду вторая справа

Ну а здесь это переподготовка вот это было, и приезжаю, и уже нужно было на меня уже дефектологом этим, тифлопедагогом, и я уже кабинет делаю, я уже крашу, я уже там выписываю и привожу приборы какие-то, узнаю что-то, какие-то приборы мне дарит офтальмолог, который лечила моего Дениса, я приношу прибор там какой-то списали, она мне дарит этот прибор, он работает в саду. Вот так это все закрутилось. И вот так благодаря как раз Тамаре Григорьевне Хохловой, царствие небесное, она вот меня как-то вдохновила: «Ты с ребенком со своим будешь там работать и все». Я еще не знала, что у Тани моей начнутся проблемы со зрением, потому что она родилась с асфиксией, с тройным обвитием, была в реанимации тоже, когда всем принесли, ее не принесли, и когда принесли, она открыла глаза, у нее вместо глаз вот просто кровоподтек, кровавые все глаза. Поэтому, наверно, близорукость у нее, была амблиопия, и с заклеякой одноглазой в школу она пошла и все, она говорит: «А у меня глаз есть, вот он, и все просто это временно». Ну подготовлены дети были этим, тем более она видела это все, она даже до сих пор тут мы как-то с ней общались и стали вспоминать, она говорит: «Я помню, помню, как тебе занятие проводила у детей, я помню», ее привет, придет она ко мне: «Что-то она, мам, можно я занятие проведу на видео?» Какие-то вот творческие занятия ещё посмотрю, так у нее, то есть как она там лепит, как она там им нарисует, предлага-

ет, и потом все это использую в своей деятельности. Вот она: «Можно проведем?» То есть тут там это так надо, надо какое-то пособие, «Таня, сделай пособие, Таня, нарисуй». Она будет очень девчонкой, десять лет, двенадцать лет, и она мне делала пособие. Сама ничего не могу сделать, не нарисовать, ничего, переученная левша, вот школу уже пошли, нужно ж было только правой рукой писать, и учительница стояла над душой для того, чтобы: «Возьми в правую руку», а я там выкручивалась, левой, сверху правой пишу, или там уж так она домашнее сделай левой, пиши правой рукой, как она знает, это же дома такого детского. Ну и вот так потихоньку все началось. Плюс подключилась, как я сказала, так называемая воскресная школа, потом на нас вышел Григоров, и он уже стал помогать: карандашики, пластилин, подарочки на Новый год, мы стали развиваться, перешли на Урицкого, двадцать один, где заочно – вечерняя школа, и там уже базировались. А потом они хотели переместиться на субботу (в воздухе уже витала идея об открытии детского сада или отделения для детей с тяжелыми нарушениями), а я поступила как раз в центр «Надежду», изучала менеджмент, чтобы научиться бизнес-план составлять, занятия были очно вечерние, занимались 4 раза в неделю, включая субботу, и мне пришлось уйти. Сейчас это Новосибирская межрегиональная общественная организация инвалидов «Ассоциация «Интеграция» – общественная организация инвалидов, была организована в 1990 году с целью социальной защиты инвалидов, создания для них рабочих мест и профилактики инвалидности.

– *Получается, Наталья Александровна, вы стояли у истоков ОООИ «Интеграция», всегда тесно взаимодействовали с родителями?*

– Я очень рада, что он вот у меня получился вот такой вот старт с этой десятой школы. И как-то в один детский сад я пришла, в один вот, а подходит ко мне женщина: «Вы меня не узнаете?» Я говорю: «А где сейчас Ваша дочка?» Оказывается, бабушка уехала с ней в Америку, потому что узнала, что могут делать операцию, сохранить как-то зрение ... У нее бабушка, а так как она умела рисовать, она набирала, например, здесь всякие самовары, подносы, матрёшки, тарелочки (белые), там раскрашивала, продавала, так начинала жить материально, снимать жилье, они остались там, девочка закончила школу. А мама здесь, закончила мединститут, она меня узнала, предоставила возможность пообщаться онлайн с девочкой. Прошло более тридцати лет, и я так смотрю, думаю: ну надо же, нужно было в этом саду оказаться, чтобы она меня узнала и рассказала про эту девочку. И вот она: сказала «Наталья Александровна, спасибо вам большое, это Вы заложили основу». В новом году пришли на концерт, вдруг мне тоже кричат: «Наталья Александровна!» Встречаю родителей тех детей, которые ходили в «Интеграцию» (в то место, где родилась общественная организация инвалидов), они просто спрашивают: «Вы помните нас?». Конечно, помню – интересный случай: нарушение интеллекта при тотальной слепоте. Мама, конечно, оставила работу. Мы обратили внимание со студентами, которые ходили туда на практические занятия по субботам, что музыкальное занятие мальчик подходит и стоит около пианино, мы обратили внимание, что он неравнодушен к музыке. И было предложено, чтобы он включал, например, магнитофон, и она его научила включать. Она благодарила нас за этот навык: он включает, пока кассета крутится, она успевала пол помыть или до магазина добежать, а он слушает музыку. Это сколько лет прошло, и мне так радостно, что меня узнают, приятно этих ребят обнять, увидеть, понять, что жизнь продолжается, хоть и мамам нелегко – на своих машинах их возят – выучились, но жизнь продолжается...

– *Наталья Александровна, может быть, в вашей практике есть лайфхаки, которые могут помочь родителям, специалистам, студентам в помощи детям с тяжелыми множественными нарушениями развития?*

– Я хорошо помню некоторых ребят, которые даже не подпускали к себе, отталкивали от себя. С тех пор у меня выработался подход к общению к ребятам. Наверное, не было бы у меня этого опыта, вот этого взаимодействия с ребятами с тяжелыми множественными нарушениями, если бы не было вот этих встреч с так называемой школой воскресной. Подход такой: И когда ребята проявляли негативизм, вопросы: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» не помогают, и студентам я об этом говорю. Я нашла другой подход, просто дети мне подсказали этот подход, потому что я стала обращаться к маме: «А как вы далеко ли вы живете?» «Может быть, вы сами приехали, или кто-то привез?»), а ребенок потом отталкивает, с тех пор я надеваю, как у мамы бусы, работаю обязательно с бусами. Мы стали единым целым с этим ребенком, с тяжелым, он доверяет мне, он понимает меня, а я понимаю его. И вот некие вещи сами дети меня многому научили, и спасибо им, и обогатили меня, и дали путь, что дальше делать. Поэтому говорю: узнайте, даже сегодня говорила, узнайте, как мама называет ласково, пусть это будут белочки, рыбки, пусть будут птички: «Где тут моя птичка? У тебя крылышки, ну лети ко мне, лети, лети, лети, моя дорогая, ох, какие крылышки, что полетели дальше» – и повели в кабинет. Ни в коем случае: «Я иду тебя диагностировать» или «Идем на занятия». А однажды у меня было в анкете «Саша», я о подошла к этой маме, потому что я была удивлена, говорю: «Так, Саша, а ласково как?» – а «Ну, Саша». – «А если вы сердитесь, хотите это показать, что что-то он делает не так?» – «Но тогда Александр». И мне это тоже так помогало: «Александр, Александр, ай-яй-яй-яй-яй». Обязательно спрашивала, какая любимая игрушка, и брала ее на первую встречу или начинала с этой игрушки что-то делать, чтобы ребенок слабовидящий или с остаточным зрением, с косоглазием, с амблиопией подошел к этой игрушке, своей любимой. Нет игрушки – у родителей попрошу, но надо найти точку соприкосновения, а не начинать брать ребёнка, вести в кабинет. Это же ребенок с нарушением зрения, а вы не уверены, что он видит вашу эмоцию, ваши глаза, улыбку, цвет ваших глаз или даже цвет вашей одежды? А если это ребенок двух лет, а какое платье вы наденете или кофточку наденете красную, вы покрасите губы красным цветом, чтобы он видел вашу артикуляцию, брови черные, но самое главное – это не должно быть пятнами, для того чтобы не отвлекать от всего. Даже в этом важно. А как реагирует он на запах? А вы уверены, что любые духи понравятся ему? Ваше прикосновение, какие у Вас руки? Может, вы погреете перед этим руки, чтобы они были теплые. Коснетесь ли вы первым, или вы все-таки сделаете так, чтобы он коснулся вас первым? Дети все настолько разные, даже если будет одинаковый диагноз, но один с этим родился, а другой после тяжелой болезни приобрел. Многие не знают, они же думают, что так видит мама, воспитательницы, все вокруг. Они не могут этого объяснить, поэтому многое непонятно им, почему мама ругает: пиши в строчке, в клеточке, или что тут у меня все чашки перебил! Потому что у него астигматизм и нарушение формы. Ну возьми изоленту красненькую, бордюричек сделай на полке, он никогда чашечку не уронит, он всегда ее поставит, вот и все. А что делать, если это занятие по физическому развитию? Вот начало и конец этого, допустим, лавочки сделает уже красненького цвета, посередине поставь пирамидку большую – это серединка, да, вот она. Ну а тот, кто тяжелый, вы боитесь, что вообще даже страховка не может, положите рядом в ширину ткань в ширину этой дорожки, все идут, а он тоже

идёт по ограниченной поверхности, а он тоже должен, в конце концов у вас три ребенка на занятии: одному – шнурочек толстая веревочка, другой тоненький, они должны пройти, потому что этот видит: такой толщины, а этот другой толщины. А вы поставьте, чтоб он наступил, один идет по вырезанным, допустим, следам, которые оставлены, а другой идет по геометрическим фигуркам, и нельзя наступить на квадратик, и он должен отыскать и перешагнуть этот квадратик, вот ребенок вошел, и уже начинается коррекция. А вы приготовили сюрпризик ему и ничего не говорите, а у него силуэты на окошечке черные, допустим, волка, собачки, лисы, белочки, он в силуэтике может увидеть, а еще и поспорить с кем-то, где тут лиса, где тут белочка, а вы ничего не говорите, только наблюдаете. Оказывается, так: кто к нам сегодня в гости придет? Что у нас за тема? Кто тут сегодня нам будет помогать что-то делать? А оказывается, там те дикие или домашние животные, или вот эти, или вот эти. А ну-ка загадку отгадайте, а отгадка вот здесь как раз вот. Мы играя лечимся, а мы играя как раз и занимаемся коррекцией. И спасибо большое, что, как говорится, дети этого не знают, не понимают, и поэтому они хотят еще, еще, еще погрузиться в это, заниматься. Какое счастье, когда ты видишь успех: ой раз, и это не мог, а вдруг он сумел, это у него получилось, ура! Поэтому не надо говорить: «Вы все молодцы!». Скажите лучше: «Да, каждый молодец, но как вы мне понравились сегодня, какие вы сегодня активные, но особенно вы видели, как...»... можете назвать имя, как он первый поднял руку, когда был вопрос, как она карандаш правильно или кисточку держала, она у нее, как ракета была. А кто-то первый сделал задание, и он не стал шуметь, а он помог своему соседу, выполнить и подсказать. Но найти обязательно (пусть это будет два ребенка, три), что они вчера не могли делать, а сегодня научились делать, у них это получилось. Конечно, авансирование должно присутствовать: «Да-да-да-да, давай, давай, молодец, молодец, ну ты справишься, конечно, конечно!». Но у него не получилось, что делать? «Так, у нас с тобой завтра встреча будет, и мы с тобой так..., а что для этого нужно сделать?» – попытаться подсказать, чтобы он нашёл свою ошибку, быть более внимательным, более сосредоточенным, правильно сидеть, может быть, для этого нужно сделать или ещё что-нибудь там подготовиться, что-то каждый раз разное совершить....

– *Наталья Александровна, вы уже рассказали о значимых для вас людях в тифлопедагогике – представителей московской тифлопедагогической школы, можете ли сказать несколько слов о ленинградской (санкт-петербургской) научной школе?*

– Конечно! Эта история началась со второго съезда тифлопедагогов, когда я поехала туда...

Это было как раз в 2004 г. К сожалению, это мероприятие соприкоснулось с очень тяжелым событием. Дело в том, что тогда накануне умерла Валентина Александровна Феоктистова. Я приехала заранее, не могу понять, что такое: суета какая-то, достают ватман для некролога, я приехала в день ее смерти, как раз узнали. Съезд тифлопедагогов начался с минуты молчания... А я с ней впервые познакомилась именно в Новосибирске, в этой воскресной школе, как раз я помню, она присутствовала тогда на этих занятиях, она посмотрела. Я помню ее, как простого человека. Мы с ней разговаривали, сидя на подоконнике, это для меня было удивительно и странно, она мне говорила: «Наташа, тебе надо писать кандидатскую». Я говорю: «Ой, так это...» Она: «Ты приедешь когда, и мы с тобой подумаем тему». И она предложила даже тему, как сейчас помню, именно нравственное воспитание слепых.... Какой-то обрыв получился. Наверняка бы я у неё писала, наверняка бы писала кандидатскую, может быть, не по нравственному... В памяти моей, как мы

сидели, беседовали вообще о жизни... на подоконнике. Она читала лекции как раз, были курсы, в тридцать девятой школе, и я там была, тогда я с ней познакомилась. И я ждала с ней встречи, и тут вот такая ситуация...

В тот же приезд на кафедре тифлопедагогики я познакомилась с Лидией Валентиной Фомичевой, которая потом в Новосибирск приезжала в две тысячи девятом году и в двенадцатом вот второй раз, кажется. Вот тогда были организованы курсы, и она приезжала, мы готовили три занятия: по изобразительности, по развитию зрительного восприятия и физкультуре. Мы писали здесь сценарий, я проверяла, отправляла ей, она смотрела, то есть она включена была в эту работу, очень ответственно относилась к этому. Читала, конечно, первые лекции на базе четырехста двадцать девятого детского сада, а второй раз уже на базе университета, в большом зале. Тогда встречала Евгения Борисовна Марущак, приглашали через центр «Семья и дети», не знали, где вместить желающих, было более ста человек: приезжали из Абакана, Томска, Искитима, Бердска, размещали людей в общежитии...

А в 2004 г., благодаря Лидии Валентиновне, я познакомилась близко с кафедрой и как раз познакомилась с Виталием Зораховичем Кантором, чье выступление на съезде касалось интеграции, тогда слово «инклюзия» ещё не употреблялось, но выступление, как всегда у него, было ярким и содержательным. Уход Валентины Александровны, конечно, событие грустное, но воспоминание о съезде тифлопедагогов, хоть и грустным было, но в то же время было много интересных докладов, я очень много книг там купила «Развитие зрительного восприятия» (десять штук) и другие. Огромное количество книг привезла тогда на кафедру, причём брала по десять штук, потому что нужно было на практические занятия. В аэропорту заинтересовались тяжелой сумкой – много раз её перекладывали и спрашивали: «А что у вас там?» Они не могли понять, что вся сумка полна книг, а вещи у меня в пакетики мои личные, и они говорят: «Что у вас там? Коробки конфет?» Я говорю: «Нет, книги, книги». Когда была в Москве, то заходила в «Логос», покупала многие книги, везла с собой: я там покупала книги по графике, алфавит рельефный, рельефное пособие по физическому развитию, по конструированию, так далее.

Приезжая в Москву, конечно, я всегда в Институт коррекционной педагогики обязательно приезжала, встречалась с Еленой Николаевной Подколзиной. Был один очень интересный момент, когда уже была заведующая кафедрой была Любовь Ивановна Плаксина, а потом Венера Закировна Денискина, конечно, приезжаешь там с памятными какими-то сувенириками Я говорю: «Вот книга вышла Елены Николаевны Подколзиной по диагностике тифлопедагогической». Ну надо же, она говорит, еще и сама не знает, что книжка ее вышла, ее обрадовать, еще и книжка не вывозилась даже, но она уже тогда не работала, у неё было очень плохо со зрением «Ну у меня есть материалы, как записать, кто может?» Я материалы ее как-то записывала, и потом мы распространяли, вот сидело там несколько сот человек.

Интересно получилось: приехали мы на повышение квалификации, вот и сидит нас где-то целый огромный зал, и она начала. Я говорю: «Вот наша первая встреча, Венера Закировна, нам бы познакомиться, кто из какого города, должность, нам всё равно здесь жить достаточно долго – месяц». Так ну долго ли не делить, ну долго, по крайней мере вот как-то так вот рассчитывали на это, да, по-моему, даже на месяц что-то мы долго приезжали. И она: «Не Наташа ли Одиноква здесь?» – по голосу Венера Закировна узнала меня: «Ты что здесь делаешь?» И я говорю (я уже преподавала в вузе: «Венера Закировна, примеры привожу...»). Венера Закировна ответила: «Слушай, ты навела меня на мысль: пока я жива, пока помню, мне надо

это опубликовать». И в журнале «Воспитание и обучение детей с нарушениями развития» выходит её статья, где, конечно, она не пишет, что Одинокова напомнила, но вот это вступительное слово о том, что и она очень подробно эти примеры описывает, более того те, про которые даже забыла, она описывает вот эти все моменты свои как раз вот в одном из журналов.

– Наталья Александровна, расскажите, пожалуйста, о вашем сотрудничестве с Новосибирской областной специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих

– Конечно, я познакомилась с этой библиотекой еще до Юрия Юрьевича Лесневского, когда, действительно, это было темное помещение. С приходом Юрия Юрьевича, конечно, вот здание стало возрождаться. И так как я тогда ходила достаточно часто, нужна была литература, то и познакомилась там. И тоже хочу сказать о нем, как об одном из наставников, потому что первые проекты начались именно с ним, некоторые вопросы решали вместе (рис. 15).

Рис. 15. Юрий Юрьевич Лесневский – директор Новосибирской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих и Наталья Александровна Одинокова

Первый проект, когда решался вопрос среди прочих на семинарах на семинарах: тематику по сказкам брать или по профессиям (рис. 16).

Рис. 16. На семинарах: Алексей Иванович Бороздин (1937–2021) – директор абилитационной педагогики, Ирина Юрьевна Смирнова – директор центра «Глазка», Юрий Юрьевич Лесневский, Наталья Александровна Одинокова

Мы огромные книги делали и обсуждали, как представить эти книги: в начале хотелось только рельефно, а потом подумали, а если возьмут зрячие дети, а если возьмут родители, которые видят, а если это ну как-то некрасиво вроде будет, реши-

ли к цветному изображению. И я помню, как приходилось заниматься с дизайнером: стулья у него с кривыми ногами, или картина висит, как будто ветер дует, и как мне приходилось объяснять, что так нельзя, что ребёнок не поймет, почему в комнате висит криво картина, и приходилось рассказывать об особенностях. Как я встречалась с сибирскими нашими поэтами, и как я говорила, как нужно немножечко так рассказать слова, чтобы ребенок понял. И какие профессии: художник, учитель, парикмахер, врач, детали, рельефные или в натуральную величину? Второй альбом был: экскурсия по Красному проспекту, как нужно было тоже как представить стоквартирный дом, как нужно было представить, допустим, еще что-то, ведь мы не можем все досконально. И, конечно, мне приходилось там искать какие-то материалы, где действительно вот это я овладела вот этой тифлографикой, которая помогала мне уже в работе и с детьми и вообще с пониманием этим вопросом. И было приятно видеть потом этот альбом в нашей библиотеке. И, конечно, разрабатывать надо было все очень серьезно. Я, конечно, писала эти методические рекомендации всем дизайнерам. Сложно показать от натурального объекта и дальше... И вот уже приходила, мне помогали делать, ну, например, вот яблоко, овощи, фрукты был потом там еще так далее шли овощи. Например, само яблоко, вот оно растет на дереве, да, вот изображение дерева, потом яблоко вот в рельефе, в цвете, потом оно в силуэте черном, потом в контуре, а в итоге потом разрез этого яблока, где косточки находятся, что из него делать. То есть вот эта последовательность, вот эта схема, алгоритм важно. Потом уже подключилась, сделала уже, стихи подобрала, тексты другая тифлопедагог, ну и получился такой тоже достаточно хороший альбом для работы. Но мне было приятно, когда я уже, работая поехала в Москву на повышение квалификации именно логопедическое, ну потому что нужно было как раз вот как раз Чиркина Г. В. вела тогда лекции, Кукушкина О. И., и она выпустила свой альбом «Времена года». Мы с Ольгой Ильиничной это обсуждали: «Я бы сформулировала задачу сформировать культуру обращения с компьютером». Она: «Ой, культуру, да, что Вы!» И мы как-то с ней остались беседовать. Я говорю: «А почему бы вот это...». А я тогда немножко в детском саду познакомила детей своих подготовительной группы с компьютером, именно с косоглазием, с близорукостью, я действительно учила именно культуре работы с компьютером, потому что без этого никуда, компьютер не только вошел в жизнь школы, семьи, но и детского сада. И вот как это все делать, у меня появились много статей знакомства, дидактические игры, опыт работы с компьютером, я так стала активно выпускать и опыт свой описывать. И возникла идея, заведующая поддержала, организовали сенсорную комнату, и было три компьютера. А как, чтобы они именно по времени? Вот песочные часы появились, и вот появились некие сказки: Емеля, он поймал щуку, и щука начала учить, как с компьютером: это нельзя, это нельзя, руки помыть, кушать нельзя, провода нельзя дергать, там ну щука, хотя по щучьему велению исполнила желания: «Я хочу компьютер» – на тебе компьютер, но тут же он неправильно делает, а щука из окна: «нельзя это делать» и так далее. Это все как раз в виде такой сказки, а они отслеживали: песочек еще сыпется, значит можно, но песочек был на десять минут, и, конечно, детям хотелось ещё, но зато я могла сказать: «Ты очень правильно выполнял это, или: у тебя вот это получилось, или ты вот это, и ты можешь ещё пять минут», – я переворачивала песочные часы, он мог еще пять минут, и он рад, что ему разрешили, но разрешили за что-то, а я рада, что как раз я уложились по времени. Чтобы сэкономить это время, конечно, обязательно предварительно я работала с ними, получается на настольных играх, то есть я знакомилась с этими игрушками, знакомилась с этими картинками,

знакомилась с игрой, чтобы он не тратил время и свое зрение нарушенное на компьютер: кто там изображен, правила игры, а он уже знает, он приходит, он знает, кто герой, он знает, что он знает, что нужно делать, и он только включается в сам процесс вот этой игровой деятельности. Разработала маленькую программку, и занималась этим компьютером, вот этими всеми вопросами: первое знакомство и так далее. Это вот цель моя была с детьми. И когда мы с Кукушкиной О. И. оговорили, осталась ей рассказать немножко, что делаю я, она меня взяла за руку, привела на кафедру и говорит: «Слушайте», – я говорю: «И ваши игры можно сделать компьютерные тоже для детей с нарушением зрения», что я предлагала: «Вот здесь у вас очень близко дети стоят, мальчик, девочка, а у них синдром трудности раздельного видения, они не могут не понять, вот это нужно просто их немножечко поодаль, чтобы они там, допустим, за руки держались, или у вас здесь наслоение есть несколько изображений, их либо уменьшить, либо раздвинуть, либо мелкие детали убрать, чтобы важные детали сохранились и отследить контур, тогда по контуру они будут догадываться, что за дерево или что там, допустим, изображение здания какого-то, да, или так далее. Ольга Ильинична ответила: “Займемся, мы займемся этим вопросом, выпустим”. Она, действительно, занялась этим вопросом, потому что я позже у неё увидела программу “Мир за твоим окном”, увидела статьи и именно с этими комментариями. Самое главное – это был послыл. она была вдохновлена.

– Наталья Александровна, скажите, пожалуйста, на какие книги должны обращать внимание студенты-дефектологи при изучении тифлопедагогики, тифлопсихологии?

– Прежде всего на книги людей, которых я назвала, которые учили, но они действительно с большой ученые, и потому что они через это все сами прошли, это было то начало, которое дало толчок остальным. Сегодняшний день, техника другая, но основу, конечно, надо знать. Первый учебник – это вот это «Тифлопсихология» Алексея Григорьевича Литвака. На сегодняшний день называется до «Психология слепых и слабовидящих. Это должно быть, конечно, настольной книгой, потому что Алексей Григорьевич безусловный авторитет в нашей области. Можно почитать, конечно, психологические книги Марии Ивановны Земцовой, настолько таким простым доступным языком написано, любой человек может прочитать, она небольшая, тоненькая: «Учителю о детях с нарушением зрения», азы, которые человек, не занимающийся зрением, может познать. Если мы будем касаться психолого-педагогических вопросов, это Людмила Ивановна Солнцева, у неё единственная работа «Адаптация диагностических методик для детей с нарушением зрения». А как адаптировать диагностические методики, она пишет, что на сегодняшний день методик мало, недостаточно, и как сделать, берите любую, но адаптируйте, и она подробнейшим образом описывает, как это сделать. Вот, конечно, это статья, которую я когда-то на машинке печатной набирала для студентов, у меня была печатная машинка, потому что я пишу неразборчиво – переученная левша, очень плохо пишу правой рукой, очень непонятно, поэтому я все старалась печатать на печатной машинке, я раздавала, у кого был ксерокс тогда, может быть, или перед печатью, да-да, можно подписаться, я пришла тогда, хорошо, спасибо. Если вы хотите по офтальмогигиеническим условиям, то надо читать требования Николая Николаевича Малофеева, это требования к уроку. Знакомство с объектами не обойдется без Бориса Константиновича Тупоногого, он даст по схеме подробно: рекомендации, как изучаются геометрические фигуры, если это надо с растениями, если с животными, ну вот как говорится, пожалуйста, в зависимости от нарушения: что

можно, что нельзя, его таблицы огромные. Самое обидное было, когда я направляла студентов: «Взять статью и законспектировать, и мы будем обсуждать». Они ко мне приходят и говорят: «Сам журнал есть, статьи нет». Как нет? Оказывается, листочки с этими статьями Людмилы Ивановны Солнцевой, Бориса Константиновича Тупоногого удалены, просто вырваны. Вот такой вандализм, понимаете? Как без Елены Николаевны Подколзиной? Именно она написала о количестве наглядности, о требованиях к наглядности, и она расписала по отдельности, вот она наглядность, требования к натуральным, графическим объектам? Более того, она написала, если ребенок с нарушением зрения развивается, тогда ещё не было инклюзии, в среде здоровых сверстников. Как работать с ребёнком, с семьей с нарушением зрения?

Как можно работать и учиться без статей, без материалов, учебных пособий Венеры Закировны Денискиной, которые по ориентировке, по социально-бытовой ориентировке – это вообще шедевры социально-бытовой ориентировки Венеры Закировны Денискиной.

Знаете, когда читаешь тексты Лидии Валентиновны Фомичевой, которые о зрительном восприятии, это просто, как говорится, а б в – алфавит, с чего надо начинать. Все о том, как проводится коррекционная работа, из каких этапов состоит, на что обратить внимание, но как можно без вот этих подходов, понимаете, вот без ее? А какие сейчас у нее статьи? Более того, она же разработала еще примерные программы (ФАОПы, ФГОС). Я ее провожаю, и она говорит: «Какое счастье, наконец-то завершила такой труд по косоглазию и амблиопии», и получились адаптированные программы, но были слепые, слабовидящие, все, а тут она сделала ещё отдельную по косоглазию и с амблиопией, вот, пожалуйста, и она мне подарила даже книжку с ее подписью. Эти книги должны быть настольные, их нужно их прочитать. Мне очень обидно и досадно, и это всегда я говорю студентам: да, в интернете можно найти какой-то материал, допустим, но обидно, когда не указан автор, или кусок вырван из контекста, книга не указана. Я столкнулась, например с одним моментом, например, я привожу пример как раз тоже Елены Николаевны Подколзиной, она дает по ориентировке в пространстве именно как раз опору, она перечисляет всего три трудности, и тут я как-то брошюрку одну открываю, и один из коллег пишет статью и как раз слово в слово вот эти вещи, а внизу пометочка: переиздания, но авторства-то нет у этого специалиста, она же не указала, что Елена Николаевна это писала на самом деле, и получается, как будто это ее текст, это она, понимаете, это просто проблема, понимаете? Поэтому я тоже всегда говорю: «Девочки, но в интернете если вы берете и нет автора, нет года, допустим, исследования, вы берете цифры – кто эти цифры, в каком году обозначил? Давайте соблюдать этические нормы и так далее!

Все-таки Солнцевой же, по-моему, «Психология детей дошкольного возраста» есть, но обязательно хорошо: вы не нашли этого автора, вы нашли у другого, но вы тогда и пишете, что этот автор ссылается вот на этого из такой-то публикации, да, вы третий, но это будет нормально. Давайте будем помнить и действительно уважать память тех, кто нас научил, и, конечно, чтоб осталось это на долгие века, времена тех, кто нам дал это, не просто переписал, отдал, которые через это все прошли свой опыт, как, например, Венера Закировна, Елена Николаевна Подколзина, которая не видела, и мы помогали ей. Любовь Ивановну Плаксину, конечно, необходимо назвать. Мне даже было удивительно: первый раз встреча с ней была, когда она была ещё кандидат психологических наук, потом она доктор педагогических, и когда она рассказывает, что она защитилась на то, что косоглазиеамблиопия,

то есть оказывается, благодаря, будем говорить, некоему толчку, она, во-первых, сказала, что есть дети дошкольного возраста, а то были школьники и взрослые, как будто детей дошкольного возраста и не было. Когда я начинала работать, так только все со школьниками работали, представляете? И когда я начинала, я не могла найти материалов никаких, хотя Маргулиса я смотрела, кстати, хороший материал, но там ранний возраст, потом школьники, а дошкольников практически не исследовали. По раннему возрасту добыли очень много было «Родителям о детях раннего возраста» и так далее, вот этот пласт был, а от трех до шести лет, до школы вот это все. Было удивительно, что взглянуть по-другому на детей с амблиопией, у них тоже трудности, их как раз большинство сидит в школе или сидит в норме, я имею в классе в норме детского сада, и нужно понимать, что они с трудом включаются в учебную деятельность, скорость у них другая, что они совершенно по-другому развиваются, тот багаж знаний, мал. Чтобы получить информацию, нужно ее переработать, еще и сохранить, и использовать в другой ситуации, это сопряжено с такими трудностями, через которые ребенок проходит. Причем это слабовидящий, который родился от рождения, и тот, которого мы раз заклеили, он стал слабовидящим, то разные дети, у одного один багаж, один опыт, у другого – иной. Да, мы можем их соединить, как слабовидящих, но это только на занятии, но будущее у них будет совершенно разное. И не заниматься социально-бытовой ориентировкой или социально-ролевой игрой: космонавт, шофёр. Давайте этично подходить, но он же не будет космонавтом, шофером, кем-то, придумайте ту профессию, ту игру для этого ребенка, где он может себя реализовать, чувствовать себя героем, лидером. Он, во-первых, на физкультуре, музыкальном занятии обязательно должен ходить, походить первым, как вы это сделаете? Вы рядом будете идти, научите его заранее двигаться, вы зрительный ориентир ему сделаете. Но самое главное, в этой игре кто-то будет шофер, а он будет переводчик, у него иностранная делегация; кто-то будет там шофером, а он будет, например, экскурсовод и будет о чем-то рассказывать, он будет действительно на компьютере какие-то программы составлять, будет, действительно, пиццу готовить в пиццерии работать, потому что он сможет там в будущем ту профессию получить, где он сможет работать.

Вот он живет сегодня, а мы как будто учим ребенка: «А вот потом ты заживёшь, потом, вот потом ты... да, а ты сейчас палочки учи сделать, а потом у тебя будет красивый почерк, потом, здесь сейчас, сегодня... Сегодня мы семечку бросили, потом она прорастёт» – не бывает такого, что вот потом будет, а сегодня пустыня, а потом на этой пустыне Каракум что-то вырастет, дерево какое-то, не будет этого, полить надо, плодородную землю надо, только тогда город – сад вырастет...

Наталья Александровна на сегодняшний день написала более 200 (238) статей, 2 учебных пособия, 2 монографии, имеет награды: почетная грамота Министерства образования и науки РФ, нагрудный знак «Наставник НГПУ» (рис. 17 а-г), юбилейная медаль «80 лет Новосибирской области», памятный знак «За труд на благо города» в честь 120-летия со дня основания города Новосибирска; памятный знак «За труд на благо города» в честь 130-летия со дня основания города Новосибирска (рис. 18).

а)

б)

в)

г)

Рис. 17. а) Н. А. Одиноква получила нагрудный знак «Наставник НГПУ»;
 б) Н. А. Одиноква со своей первой дипломницей Ольгой Перескоковой;
 в) в фонде «Со-единение» на сессии проекта «Наставники. Ученики» со студентами Маркеловой Татьяной (крайняя слева), Анастасия Высоцкайте (рядом с Н. А.) и экспертом и координатором – кандидатом психологических наук Ириной Владимировной Саломатиной; г) с дипломницей Ириной Шмаковой, победителем Регионального этапа Всероссийского конкурса «Учитель-дефектолог года» (2026 г.)

Рис. 18. Н. А. Одиноква в учебной аудитории

– Огромное спасибо, Наталья Александровна, за этот интереснейший разговор, за уделенное время и влюбленность в свое дело!

P.S. Дорогая Наталья Александровна!

Невозможно забыть наше тесное сотрудничество в научно-исследовательской деятельности наших талантливых студентов-дефектологов в рамках проекта «Наставники и ученики» Благотворительного фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» (г. Москва).

Примите искреннюю признательность от коллег, студентов, себя лично за проведенные вместе годы в стенах Новосибирского государственного педагогического университета, за вашу способность делиться тем, что у вас есть, за постоянное стремление

помогать людям, добровольческую инициативу, за абсолютный профессионализм в теории и практике, за уважение к науке, носителем которой вы являетесь, за верность любимой профессии, за публикационную и жизненную активность, за любовь к людям!

Пусть наступивший юбилей озаряет ярким светом каждый новый день, наполненный здоровьем, счастьем, прекрасным настроением!

P.S. Самым важным для учителя является признание ученика: слово студентке-дипломнице Натальи Александровны – Ирине Геннадьевне Шмаковой, победителю регионального конкурса эссе «Письмо своему наставнику», абсолютному победителю регионального этапа Всероссийского конкурса «Учитель-дефектолог года» (2026 г.).

Эссе «Письмо Наставнику»

Тема: «Люди, создающие будущее»

Дорогая Наталья Александровна!

В преддверии муниципального Дня Наставника я часто размышляю над темой «Люди, создающие будущее». Для меня это не просто красивый слоган, а конкретный образ Человека, Учителя и Мастера. И этот образ неразрывно связан с Вами, Одиноква Наталья Александровна. Ведь будущее – это не только технологический прогресс, это прежде всего люди, способные сопереживать, понимать и созидать. Вы – именно такой созидатель, который вкладывает в свою работу не только глубокие знания, но и всю свою душу.

Ваш путь в тифлопедагогике длиной более сорока лет – это пример истинного, бескорыстного подвига. Помогать детям с нарушениями зрения – значит обладать особым «зрением сердца». Ваш личный вклад невозможно измерить только количеством наград или числом публикаций, хотя их более двухсот. Он измеряется тем светом, который загорается в глазах Ваших маленьких подопечных, и той уверенностью, которую обретают их родители. Проекты «Зрением дорожить умеете» и «Вместе весело шагать» родились не в тишине кабинетов, они выросли из Вашего искреннего желания сделать этот мир добрее и доступнее для каждого ребенка.

Для меня, как для учителя-дефектолога, Вы стали настоящим маяком. В мире современной коррекционной педагогики легко потеряться за отчетами и методиками, но Вы всегда напоминаете нам о главном – о Личности ребенка. Имея два высших образования и колоссальный опыт преподавания в высшей школе, Вы остаетесь прежде всего специалистом-практиком, который знает цену каждого маленького шага в развитии особенного ученика. Ваш нагрудный знак «Наставник НГПУ» – это признание Вашего удивительного таланта: умения разглядеть потенциал в коллеге, бережно направить его, поделиться своей мудростью, не подавляя авторитетом.

Наталья Александровна, Ваша душевная щедрость поражает. Будучи признанным экспертом, членом научно-методических советов и редакционных коллегий журналов «Воспитание и дополнительное образование» и «День дефектологии», Вы остаетесь удивительно чутким и открытым человеком. Вы создаете будущее через нас, своих последователей, передавая нам не просто сухие факты, а свое отношение к жизни, свою преданность делу и бесконечное терпение. Мы учимся у Вас тому, как важно «дорожить зрением» – и физическим, и духовным.

Спасибо Вам за то, что Вы верите в нас иногда больше, чем мы сами в себя. Вы – истинный архитектор будущего, потому что плоды Вашего труда будут жить в поколениях Ваших учеников и в сердцах благодарных коллег. Низкий Вам поклон за Ваше тепло, мудрость и за тот великий путь, который мы имеем честь проходить рядом с Вами.

С глубоким уважением и признательностью,
Ирина Геннадьевна Шмакова,
учитель-дефектолог МКОУ СОШ имени П. П. Лановенчика
Маслянинского муниципального округа